Шалва Амонашвили

ОСНОВЫ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

УЧИТЕЛЬ

Книга 5

ШКОЛА ЖИЗНИ

Школа жизни

Шалва Амонашвили

Основы гуманной педагогики. Книга 5. Учитель

«Свет»
2013

УДК 371
ББК 74.2

Амонашвили Ш. А.

Основы гуманной педагогики. Книга 5. Учитель /
Ш. А. Амонашвили — «Свет», 2013 — (Школа жизни)

ISBN 978-5-00053-320-8

Вся жизнь и творчество Ш. А. Амонашвили посвящены развитию классических идей гуманной педагогики, утверждению в педагогическом сознании понятия «духовного гуманизма». Издание собрания сочинений автора в 20 книгах под общим названием «Основы гуманной педагогики» осуществляется по решению Редакционно-издательского Совета Российской академии образования. В отдельных книгах психолого-педагогические и литературные творения группируются по содержанию. Пятая книга включает в себя две повести – «Рука ведущая» и «Учитель». С помощью изящной художественной формы Шалва Александрович раскрывает вопрос о важной миссии учителя в современном мире. При этом он напоминает нам, что бытие учителя не ограничено лишь педагогической практикой, но своими корнями уходит глубоко в нашу повседневную деятельность. Эта книга, как и все издания, обращена к широкому кругу читателей: учителям, воспитателям, работникам образования, студентам, ученым. 2-е издание

УДК 371
ББК 74.2

ISBN 978-5-00053-320-8

© Амонашвили Ш. А., 2013
© Свет, 2013

Содержание

Введение 7
I. Рука ведущая 13
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Шалва Амонашвили
Основы гуманной педагогики. Книга 5. Учитель

© Амонашвили Ш. А., 2013
© Оформление. ООО «Свет», 2015

Введение

Центральная тема, которой посвящен этот том собрания сочинений Ш. А. Амонашвили, – становление и педагогическая деятельность гуманного учителя. По сути, эта проблема – центральная и для всего творчества Шалвы Александровича. Мудрым размышлениям об учителе-гуманисте посвящено большинство его произведений.

Но собранные в томе две книги, «Рука ведущая» и «Учитель», объединяет не только общая тема, но и жанр. Это художественные произведения-повести. Они написаны стилем поэтичным, насыщенным метафорами, который в целом столь органичен для Ш. А. Амонашвили.

Эти книги продолжают традиции художественно-исповедальных произведений великих педагогов. В данной связи подчеркнем, что педагогическая теория не заключена только в научно-педагогических трудах и учебниках по педагогике. В золотой фонд педагогической классики как раз вошли в основном произведения художественные или с ярко выраженной публицистической направленностью. Если даже ограничиться XX веком, то сразу вспоминаются «Годы исканий» С. Т. Шацкого, «Как любить ребенка» Я. Корчака, «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, «Сердце отдаю детям» В. А. Сухомлинского, «Последняя книга» С. Л. Соловейчика.

Открывает том **повесть «Рука ведущая» (2007)**, произведение во многом автобиографическое. Действительно, в жизни главного героя книги – Алексея Александровича – много общего с судьбой Шалвы Александровича. Отчество, отец, погибший на войне, путь к педагогике. Как и персонаж книги, Шалва Александрович по его воспоминаниям достаточно случайно оказался в школе студентом университета, что бы просто заработать на хлеб, а остался в педагогике на всю жизнь.

Есть в этой повести и прямые автобиографические отсылки – воспоминания героя об учительнице, оказавшей на него определяющее влияние. Вот как это описывается в книге: «…пришла к нам в седьмом классе. Я был тогда круглым двоечником. Учителя говорили мне, что не переведут в следующий класс. После первого сочинения она сказала мне: „Мальчик, у тебя поэтический дар!“ И, понимаешь, я начал писать стихи и нести ей. Она ставила мне пятёрки за сочинения, и я был как окрылённый на её уроках. А однажды, когда мы писали очередное сочинение, она подошла ко мне, наклонилась, я почувствовал запах её нежных духов, и шепнула мне на ухо: „Мальчик, мои пятёрки краснеют рядом с двойками. Как быть?“ И я нашёл, как быть: начал зубрить физику, химию, математику, английский язык. Учителя были вынуждены ставить мне тройки, а то и четвёрки и пятёрки. Так я не дал пятёркам по литературе краснеть перед двойками». Каждый, кто знаком с творчеством Шалвы Амонашвили знает имя этой учительницы – Варвара Вардиашвили.

Но дело, конечно, не только в автобиографических сюжетах. Показателен сам дискурс Алексея Александровича. Человек, никогда не собиравшийся работать в школе, под влиянием ряда мистических событий, в результате овладения «Живой Этикой» и философией космического мышления, стал прекрасным учителем и остался в школе навсегда.

Решающим фактором в этом оказалась встреча героя с Ребенком, спустившимся с неба. Как сказано в повести: «…в его зарождающейся философии выросла идея, в которую он поверил всем сердцем: каждый ребёнок есть рука ведущая для какого-то взрослого». Этот Ребенок, уже изначально обладавший всеми рациональными и сверхъестественными знаниями и способностями, передал герою книги подлинную гуманную педагогику.

Подчеркнем, что в повесть органично включены стихи замечательного педагога-гуманиста, заслуженного учителя России Семена Рувимовича Богуславского (1926–2005), который несколько десятилетий работал директором московской школы № 1274 им. В. В. Мая-

ковского. Член Союза писателей и Союза журналистов, он стал автором семи сборников стихов о школе и педагогике.

Напряженный разговор о миссии учителя в современном обществе получает своё продолжение, развертывание и возвышение в следующей книге, составляющей том, – **«Учитель»**. Это новое произведение Ш. А. Амонашвили, которое было создано летом 2012 года. Книга стала последней, которую подготовила к изданию незабвенная Валерия Гивиевна Ниорадзе – жена и сподвижник Шалвы Александровича в отстаивании и развитии учения духовно-гуманной педагогики.

Внешне сюжет этой пронзительно обжигающей книги прост и благостен. Молодого педагога Василия Александровича назначают директором в школу, насквозь пораженную метастазами авторитаризма, и в результате проведения через несколько месяцев педагогического совета по теме «Прошлое, настоящее и будущее школы» переворачивает сознание учителей. Часть из них, неспособная работать на основе идей гуманной педагогики, которую исповедовал директор, покидает школу. А те педагоги, которые признают это Учение и составляющие его принципы, в едином ансамбле адептов гуманной педагогики начинают исполнять свою новую педагогическую симфонию.

Но как же далека притчевая фабула книги «Учитель» от этой лапидарной и упрощенной трактовки. По сути, **новое произведение Шалвы Александровича – это открытый судебный процесс над авторитаризмом в целом и авторитарной педагогикой как его проявлением в частности.** Перед напряженным вниманием потрясенного читателя проходит не заседание педагогического совета школы, а разворачивается картина Нюрнбергского трибунала. Авторитарная педагогика, как фашизм на Нюрнбергском процессе, обсуждается целостно, во всех ее страшных проявлениях, и осуждается беспощадно и навсегда.

Но вернемся собственно к повествованию. Итак, молодой учитель Василий Александрович назначается директором школы, откуда после очень неприятной истории был уволен прежний руководитель. Случай действительно вопиющий: бывший ученик этой школы убил на автобусной остановке свою первую учительницу.

Обратим сразу внимание на имя-отчество нового директора школы, которое повторяет имя-отчество выдающегося педагога-гуманиста Василия Александровича Сухомлинский. Автор книги и не скрывает, что это совпадение не случайно, а глубоко символично. Начальник окружного департамента, благословив молодого коллегу на осуществление идей гуманной педагогики, даже дарит ему, издав приказ о назначении, пятитомное собрание сочинений В. А. Сухомлинского. Да и завершается книга очень символично. В письме юной учительницы школы гуманной педагогики своей маме звучит следующее: «…наш директор – настоящий воскресший Василий Александрович Сухомлинский».

Но путь к этой реинкарнации оказался очень тернист. Придя в школу, новый директор решает разобраться в том страшном преступлении, из-за которого был уволен его предшественник. Он поручает двум своим сподвижникам – молодым учителям – провести своеобразное расследование в двух плоскостях: что же там произошло, и каковы причины этого преступления. А затем доложить результаты своего педагогического расследования на педагогическом совете.

«Естественно, – пишет Шалва Александрович, – они должны были быть не просто рассказами о печальных происшествиях, в которых учителя выступали бы сторонними наблюдателями и судьями, а такими, которые задевали бы каждого и вовлекали внутрь событий, давали бы каждому возможность увидеть свою причастность к ним, подводили бы к преобразующим переживаниям, мыслям и решениям».

И дальше начинается магия художественного произведения, которое, в отличие от строгих научных трудов, позволяет соединять то, что в реальной жизни трудно совместить.

На автобусной остановке одновременно встречаются пять, казалось бы, случайно там оказавшихся людей: мальчик, девушка, молодой человек, пожилая женщина и старик. Картина произошедшего внешне проста. Увидев молодого человека, женщина начинает ему что-то кричать – он в ответ бьет ее по лицу – она падает и умирает. Так решило и следствие.

Но как же далека такая внешняя картинка от всей глубины произошедшего на этой автобусной остановке. Дело в том, что волею автора все эти люди оказались там не случайно, все они связаны между собой: трое из них – бывшие ученики этой самой школы; женщина до рокового дня там учительствовала; а старик с окладистой белой бородой в ней раньше преподавал, но был уволен, так как отказался как член избирательной комиссии подписать сфальсифицированный протокол в пользу «одной правящей партии».

Но и это не так важно. Главное то, что все они – жертвы авторитарной педагогики, даже учительница, которая является ее проводником и исполнителем. Увидев своего бывшего ученика, пришедшего на остановку она «…насмешливо прищурила глаза и сказала злобно и брезгливо: „Это ты, Никчёмный? Повзрослел, Никчёмный? Небось, остался таким же жалким и тупым, каким был? Или жизнь наконец научила тебя быть хотя бы слугой?“ Молодой человек напрягся ещё больше, но не промолвил ни слова, обернулся и собрался было отстраниться от неё или уйти. Он, видно было, спешил куда-то и нервничал, что автобус запаздывает. Но её издевательство заставило его обернуться. Она раздражённым тоном грубила ему: „Как дар твой, Никчёмный, или Бог отнял его у тебя?“ Вот тогда всё и произошло».

А что, собственно, произошло? Произошло то, что молодой человек не убивал свою первую учительницу. В книге это объясняется так:

– И что между вами произошло? – спросил следователь.

– Я ударил её по лицу, ударил со всей силой, и она упала…

– Зачем вы это сделали?

Николай ответил:

– Не я сделал это!

Следователь удивился:

– Как это? Вы же только что сказали, что со всей силой ударили её по лицу.

– Я, но не я…

– А кто же?

– Это моё детство расплатилось с ней. Я ей давно всё простил, но моё детство не простило…

Но вернемся от детективных событий к заседанию педсовета, получившего символичное внутреннее название «Стимуляция к самообновлению». Кстати на этом педсовете незримо присутствовал и сам Шалва Александрович. Он выступает в образе философа, который, не вмешиваясь в события, рефлексирует над происходящим. Вот как это описано в книге: «В обычном неприметном уголке он заметил своего друга, учителя истории, которого все в школе звали „философом“. Зная его привычку, у психолога промелькнула мысль: „Интересно, какие же он сделает комментарии к сегодняшнему педсовету?“

„Философ“ сидел за маленьким столиком и держал перед собой раскрытую тетрадь. Он никогда не выступал на педсоветах и совещаниях с речью и не смотрел на выступающего. Он обычно сидел, опустив голову, или глядел в окно, ему как будто было безразлично, что происходит вокруг. Но в действительности выслушивал все и время от времени комментировал мысли выступающих или отдавался размышлениям и все это быстро записывал. Вот такой был „философ“ в школе».

Приведем отрывок из размышлений этого «философа» – Ш. А. Амонашвили.

Сидит в кресле
в своей однокомнатной каморке
только что вернувшаяся домой с работы
пожилая седеющая женщина,
учительница младших школьников.
Она одна,
ибо одинока,
и ей не о ком заботиться,
кроме как о себе.

Она провела день
как обычно —
в борьбе с детьми-учениками,
с этими
малоразвитыми,
невоспитанными,
недоношенными,
дерзкими мерзавцами.

Провела день
в возмущениях,
требованиях,
приказах,
принуждениях,
наставлениях,
наказаниях,
криках и
устрашениях.

И она устала.
Нет сил, чтобы вскипятить воду,
сделать себе чай,
утолить голод,
хотя уже и не чувствует его.
Сидит она в кресле,
разбитая и грустная.
Держит усталую голову в уставших руках и
нехотя погружается в мысли и образы.

«Зачем я назвала его
Никчемным,
когда сама никчемная?»

К ней не придут гости.
Чтобы пришли, их надо иметь.
Не постучат бывшие ученики,
„случайно“ проходившие мимо её дома.
Чтобы они пришли,
нужна духовная нить,

а её она никогда не пряла.
Не придёт одинокая мама
к одинокой учительнице,
чтобы поплакаться о своём горе,
получить надежду,
а потом
преклониться перед ней и целовать руки её
в знак
материнской благодарности
за заботу о сыне.
Не было такой заботы,
потому не будет благодарности.

Таковы страшные и длительные последствия авторитарной педагогики. Она убивает и детей, и взрослых – и тех, кто ее осуществляет, и тех, к кому она обращена. Не пересказывая то, что происходило на этом удивительном по своей очищающей силе педагогическом совете, подведем его главные итоги. Авторитарная педагогика потерпела сокрушительное поражение. А гуманная педагогика восторжествовала.

Одни учителя ушли из школы, осознав что «властная педагогика, которая искалечила их, а через них учеников, ошибка».

А те, кто остались, создали комиссию из 25 членов, среди которых, кроме учителей, члены из попечительского совета, родительского комитета, ученического самоуправления, дирекции. И они на основе «Манифеста гуманной педагогики» подготовили коллективный авторский проект, который назвали «Мечта о Школе»!

По свидетельству юной учительницы, «…В „Мечте о Школе“ есть пункт о том, что в ближайшие два-три года педагогический коллектив будет возвышен до уровня педагогического ансамбля, который и сыграет симфонию гуманной педагогики. Учителя уже настраивают свои инструменты, приводят в гармонию…»

Завершим вступление, строками созданного Шалвой Александровичем фрагмента из этой симфонии – вдохновляющего гимна гуманному педагогу:

«Учитель!

Для чего рождаются дети?

Чтобы ты со своими „технологиями“ и „образовательными стандартами“ приковывал их как прометеев к Кавказским горам?

Дети – носители Нового Бытия, они принесли его с собой, и записано оно в них иероглифами Небес, а код их расшифровки заключен в тайниках сердца. Не дай им забыть об этом коде, ибо видишь, во что превращается жизнь: волки гонятся за овцами, овцы блеют от страха! Помоги каждому, учителем которого ты называешься, применить код, чтобы узнать свой истинный путь и приступить к служению строительства Нового Бытия.

Учитель!

Дай крылья своему воображению!

Вообрази, что именно тебя искали ученики и нашли, нашли в тебе своего учителя!

Если даже нет детей индиго, нет детей света, детей звездных, детей с космическим сознанием, вообрази, что они есть и вот они – твои ученики!

Вообрази и вдохновись, чтобы самому уподобляться Учителю Света, Учителю Индиго, Учителю с Космическим Сознанием!

С таким воображением поспеши к ученикам и твори свои таинства, и перед тобой откроется Новый Педагогический Мир, который станет источником одухотворенной и радостной жизни!

Забудь, Учитель!

Нет плохих детей, это от плохого зрения кажется так. Все дети – Божьи Творения, прекрасные, талантливые, нравственно чистые, духом устремленные и всемогущие!

Учитель, пойми!

Не в банкирах, не в богатых, не в президентах, не в полицейских, не в судьях, не в армиях, а в тебе вся надежда спасения мира!»

Замечательные и очень ответственные слова, вдумаемся в них, коллеги!

Михаил Богуславский,
Рыцарь Гуманной Педагогики,
Член-корреспондент Российской академии образования

I. Рука ведущая

Алексей Александрович поставил подпись в конце своих воспоминаний, написал дату и не преминул указать название большого города, где он проживал. Хотя вся эта обработка была излишней, ибо записи были вовсе не мемуарами и он писал их не для того, чтобы публиковать или показывать кому-либо или даже сохранить надолго.

Ему всего двадцать четыре года, и он студент четвёртого курса факультета языка и литературы. Какие там мемуары! И не до мемуаров ему. Весь месяц потратил он, заполняя двести страниц общей тетради, чтобы заглянуть в себя, разобраться с самим собой. Таким способом он хотел выяснить причины своих мучительных переживаний, которые то и дело доводили его до грани, когда он начинал серьёзно подумывать о том, стоит ли ему жить.

Бывает же такое: человек заблудился в лесу и, вместо того чтобы идти в сторону востока, идёт на запад. Идёт по ошибке, ибо принимает ошибку за правду. Идёт и идёт, и заблуждается всё больше. И когда видит, что может стать добычей хищников, лихорадочно начинает искать причины своего заблуждения: может, есть какой-нибудь шанс выбраться? Кого спросишь, как тебе быть? Была бы птичка добрая, которая пришла бы на помощь и указала путь… Птичек в лесу много; они, может быть, и добрые, но помочь человеку не могут.

Так он заблудился в жизни, и терзавшее душу чувство ненужности прочно прилипло к его сознанию. Откуда оно, это чувство? Можно ли от него избавиться? Имеет ли оно причины, и каковы они?

Ответы на эти вопросы по всей вероятности хранятся в нём самом. Он не обратился к психиатрам и психоаналитикам за помощью. Во-первых, нет денег, чтобы платить им за проведённые сеансы. Но это не так важно. Главное в том, что он не хочет, чтобы кто-то копался в его душе, кто-то другой стал хранителем его душевных тайн.

В тетради он записал всё, что только смог вспомнить, упустив лишь полосу последних трёх лет учительской жизни. В ней он не находил ничего полезного, кроме того, что работал и имел возможность прожить. Скоро этот учебный год закончится, и он бросит школу.

Он больше обращался к воспоминаниям из раннего детства и школьных лет. Но многие события оказались покрыты мраком, и в тетради получились непонятные для него рассуждения о чём-то. Как будто он делал словесные зарисовки неприятных и бесформенных тёмных обликов; рассеять и посмотреть, что внутри скрывается, ему не удалось.

Алексей Александрович не спал всю ночь, завершал свои записи. Подписал и поставил дату не ради торжества, – мол, дело закончено, – а так просто, не думая об этом. Он закрыл тетрадь, отодвинул её от себя, взглянул на весёлую обложку, но тетрадь вызвала в нём раздражение. «Зря потрудился, – подумал он. – Надо сжечь её где-нибудь, может быть, в лесу».

Он встал. В спешке принял ванну. Сварил себе чашку кофе и тоже в спешке выпил, сунул тетради и конспекты уроков в портфель, вышел из квартиры, сбежал по ступенькам, пересёк двор. Надо было успеть на автобус, который вот-вот подъедет. На нём он добирался до работы, то есть до школы, где поневоле стал учителем. Он поднялся в почти пустой автобус, уселся у окна и постарался предугадать: что предложат сегодня дети. Минимум сорок минут надо ехать. За это время он обычно успевал просмотреть конспекты уроков, внося поправки. На сей раз ему не нужно было этим заниматься. Он завершил программу почти на месяц раньше. Потому пусть содержание дня подскажут дети.

Вдруг безо всякой причины вспомнил, как он, пробегая по лестнице, мимо второго этажа, опять взглянул на дверь чужой квартиры. В своей тетради он записал, что не может объяснить, почему каждый раз, когда поднимается или спускается по лестнице, нехотя замедляет шаг и с тревогой всматривается в эту дверь. Кто живёт за дверью, он не знает. Он всего год назад поселился в этом доме. Ему не нужны соседи. А дверь ничем не приме-

чательна. Почему же тогда он останавливает свой взгляд именно на ней, а не на соседней двери, и почему в это мгновение в нём возникает нечто вроде неприязни или даже страха?

Он встряхнул головой и погрузился в прежние мысли.

***

Мечтал ли Алексей Александрович стать учителем?

Никогда!

Тем более учителем начальных классов.

Профессия учителя – это женская профессия. А профессия учителя начальных классов – вдвойне женская. Редко сыщешь в огромном городе мужчину, который так же, как он, работает учителем начальных классов.

Как он пришёл в школу?

Случайно, конечно.

Он студент-заочник. Весьма начитанный в русской классике, хорошо разбирается в литературе восточных и западных стран. «Подающий надежды» – говорят о нём профессора.

Но, будучи на первом курсе, он был вынужден зарабатывать, чтобы поддерживать себя, покупать книги.

У него нет никого из близких, кто мог бы ему помочь. Родителей нет. Отец погиб на войне. В какой? Ну, конечно, не в Первой или Второй мировых войнах, тогда его просто не было. Но разве войны прекращались на земле когда-либо хотя бы на минуту? Он погиб в нелепой Афганской войне совсем молодым, когда маленькому Лёшеньке было лишь три года.

Потеря мужа потрясла маму – красивую молодую женщину, и с ней случился инфаркт. Потом она чуть-чуть оправилась, но произошла другая беда. Алексей Александрович переживает это событие и уход любимой мамы из жизни как свою вину. Так и записал он в тетради: «Мама умерла по моей вине». Причину он так и не выяснил. Помнит только, что маму увезли в больницу из школы, а оттуда – на кладбище. Маленький Лёша много плакал, но тогда ещё не мог осознать, какими осложнениями в жизни обернётся для него эта беда.

Его забрали в детдом, где он был лишён всякой материнской ласки и семейного уюта. Не раз подвергался там издевательствам со стороны старших ребят, а также воспитателей и учителей. Тем не менее окончил школу и поступил в университет, где увлечённо и усердно отдался изучению классической литературы и обнаружил склонность к научной деятельности.

Кто мог поддерживать детдомовца? Он должен был обеспечивать себя сам – детдомовские скудные сбережения кончились.

В поисках работы он зашёл в школу на окраине города, дальше от той, где он жил. Школа была большая. «Может, будет место охранника или какого-либо рабочего?» – подумал он. Его направили к директору. Им оказался добрый пожилой мужчина. Тот расспросил его и, узнав, что молодой человек любит и знает литературу, обрадовался, ибо сам увлекался литературой и писал стихи.

Побеседовав, он на некоторое время задумался, а потом вдруг сказал:

– Да, я беру вас, будете работать учителем начальных классов.

– Что?! – удивился Алексей Александрович. – Я не могу быть учителем, я ничего не знаю!

– Научим, – спокойно сказал директор. – Учить маленьких детей нетрудно…

– Я не люблю учительскую профессию.

– Полюбите, – опять спокойно произнёс директор, – это же божественная профессия!

Алексей Александрович не успел сказать, что эта работа совсем не для него, как директор вызвал завуча.

– У нас осталась вакансия учителя во втором классе? – спросил он.

– Да, – ответила завуч.

– Замену нашли?

– Нет, но ищем.

– Вот вам учитель! – сказал директор и указал на Алексея Александровича.

Завуч с удивлением воскликнула:

– Ой! Он же мужчина!

– Да, мужчина, как видите! Ну и что? – сказал директор. – Нам запрещено брать мужчину учителем начальных классов? Пишите приказ, пока молодой человек не передумал!

А молодой человек и не думал о должности учителя. Он попытался что-то сказать или просто взять и уйти. Но директор вышел из-за своего рабочего стола, взял его за локоть и мягко сказал:

– Вам понравятся наши дети.

Озадаченная завуч удалилась.

– Вы любите стихи? – спросил вдруг директор.

– Да, – ответил Алексей Александрович.

– Так и думал. Хотите, прочту вам свои стихи?

– С удовольствием послушаю, – сказал он.

– Отлично!

Он принял позу поэта и прочёл:

Школа – не казарма,
Дети – не солдаты.
Не муштруй их, дядька
С головой кудлатой.

Не греби их тупо
Под одну гребёнку.
Не насилуй душу.
Дай вздохнуть ребёнку.

Не сгоняй их в кучу,
Не гони их строем.
И без строя можно
Вырасти героем.

И не замечаем,
Что не та эпоха,
И не понимаем,
Хорошо иль плохо
*(стихи здесь и далее принадлежат Семёну Рувимовичу Богуславскому. – **Прим.**).*

– Ну как? – спросил он, кончив читать.

Стихи понравились Алексею Александровичу, и он похвалил их. Директор остался доволен.

– Это тебе первые мои наставления, – сказал он и дружески улыбнулся.

Вскоре секретарша занесла приказ о назначении Алексея Александровича учителем начальных классов. Директор приказ подписал и торжественно вручил копию новоиспечённому учителю.

Перед тем как попрощаться, директор подвёл его к углу, где на стуле стояла большая картина в золотистом обрамлении. Сама картина была закрыта газетой.

– Только что принёс в подарок школе бывший ученик, ныне перспективный молодой художник. Хочу услышать ваше мнение!

Он снял газету. С картины, написанной масляными красками, на них смотрел один-единственный цветок на высоком стебле – лилия. Она была на фоне неба с облачком.

– Восхитительно! – произнёс Алексей Александрович, зачарованный увиденным.

– Да? Я тоже так думаю… Дипломная работа… Вы бы не подсказали мне, где её лучше повесить?

Алексей Александрович оглянулся и показал на стену напротив окон. Но там уже висели другие картины.

– Правильно, – сказал директор, – я тоже так думал. Уберу все картины и повешу эту одну.

Они попрощались. Это был день двадцатого августа, три года тому назад.

Так студент второго курса стал учителем начальных классов.

Второй класс Алексей Александрович повёл в третий, а теперь завершает с детьми четвёртый класс, сам же оканчивает четвёртый курс университета.

За эти три года он полюбил детей, и дети полюбили его.

Но полюбил ли он профессию учителя?

Никак нет!

Вот закончится учебный год, и он скорее пойдёт работать грузчиком, чем останется в школе учителем.

***

Выйдя из автобуса, он добежал до школы.

Завуч встретила его в холле.

– Алексей Александрович, вас ищет директор. До звонка ещё есть время. Поспешите к нему!

– Спасибо, – сказал он и поднялся на второй этаж.

«Прочтёт новые стихи», – подумал он. Так происходило часто: директор звал его, чтобы услышать его мнение.

Директор, увидев его, порадовался.

– Хорошо, что пришли! – он закрыл за ним дверь на замок. Затем взял его за локоть, подвёл к окну, откуда был виден майский пейзаж окраины большого города, и достал из кармана листки.

– Мне нужно ваше мнение, понимаете, именно ваше мнение. У вас прекрасный вкус. Их я написал вчера ночью, послушайте, пожалуйста!

Он как обычно принял позу поэта. В левой руке держал листки со стихами, а правой рисовал в воздухе символы, выражающие настроение и придающие образам семантическую абстрактность.

Он читал красиво и увлечённо, а Алексей Александрович слушал внимательно, направив свой взор на картину с лилией.

Не надо воевать с ребятами,
Смешливыми и плутоватыми,

Самолюбивыми, лохматыми,
Застенчивыми, угловатыми,
Надменными акселератами,
Трусливыми и хамоватыми,
Пустыми, скрытными, пассивными,
Красивыми и некрасивыми,
Прямыми, вспыльчивыми, дерзкими —
Со всеми их словами детскими,
Которые запоминать
И после им припоминать
Не надо…
Как же, их простить???
Да так вот…
И не надо мстить.
Не надо воевать с ребятами.
Во всём, конечно, виноватыми.

Он закончил читать и сразу ушёл в творческую задумчивость. Видимо, забыл, что рядом стоял человек – его ценитель. Спустя пару минут он оторвал взгляд от окна и направился к своему рабочему столу. Сел за стол, взял авторучку, сгрыз её верхнюю часть и устремил взор в никуда. Потом опустил голову и стал быстро записывать.

Алексей Александрович был действительно очарован стихами: искренняя любовь к детям и владение образностью слова рождали педагогическую поэзию. Он хотел похвалить директора, но, увидев, что тот в плену вдохновения, бесшумно вышел из комнаты и шёпотом предупредил секретаршу:

– Не тревожьте его, пока сам не позовёт!

И поспешил в свой класс.

***

Учителя-коллеги охотно взялись сделать из него учителя. Приглашали на свои уроки, на методические объединения, давали наставления и объяснения. Даже делились своими конспектами уроков, разрешали списывать.

Но у него складывалось впечатление, что он всё это и так знает. Скажем, сидит он на уроке математики маститого, опытного учителя, записывает весь ход урока: все вопросы учителя, все ответы. И всё это кажется ему до боли знакомым. Иногда он забывал, что сам уже вроде учителя, и тогда ему казалось, что он ученик-второклассник и его вот-вот вызовет учительница, задаст вопрос, он запнётся, а она раздражённо скажет: «Что мне с тобой делать… Опять двойка!» В такие моменты ему хотелось заплакать, закричать, зарыдать, бунтовать.

Был случай, когда он выкрикнул на уроке: «Вы не имеете права!» Учительница посмотрела на него в недоумении. Дети оглянулись. И он сразу обнаружил, что давно уже не ученик и ему никто в жизни больше не осмелится задать вопрос: как пишется слово «ещё» или сколько будет от двадцати отнять девятнадцать. И не будет такого, чтобы на него набросился кто-нибудь из учителей и обозвал «тупым», как сделала эта учительница, которая давала ему показательный урок.

На уроках своих коллег, – а они часто специально для него готовили уроки, чтобы учить новичка, – он не учился, а возмущался. Возмущался тем, что они только спрашивали у своих учеников, а те, бедные, только отвечали. Учителя разгуливали по всей классной комнате, а

дети не могли шевельнуться без их разрешения. Учителя оценивали их знания и ставили отметки, а дети были лишены права оценивать уроки своих учителей и ставить отметки им. Они могли обругать ребёнка, накричать, высмеять его, а тот, напуганный учительским гневом, беспомощно опускал голову, краснел, плакал.

Может быть, этому мальчику или этой девочке, как ему самому, когда он был учеником и когда учительница унижала его, тоже хотелось умереть на месте или выброситься из окна, чтобы хотя бы так вызвать к себе чувство сострадания одноклассников и наказать учительницу? Он сам, будучи учеником, после очередной учительской грубости не раз подумывал, что, вот, придёт домой и найдёт способ, чтобы покончить с жизнью. А теперь на уроках своих коллег ему то и дело казалось, что у того мальчика, которого оскорбили, тоже появляется мысль о самоубийстве.

И ему становилось плохо, хотелось встать и демонстративно выйти из класса. Но детдомовское воспитание не позволяло ему так поступить. И когда в конце урока к нему подходила гордая учительница в надежде услышать похвалу от начинающего учителя, этот начинающий открывал рот как рыба, не в состоянии выпустить ни звука.

Какие же уроки проводил он сам? Делал всё наоборот, чему учили и что показывали коллеги и, конечно же, назло своей учительнице, которая однажды вызвала его маму и что-то грубо ей сказала.

Коллеги к нему на уроки не приходили. Им не нужно было ходить к нему, ибо они и мысли не допускали, что у него тоже можно чему-то научиться.

Завуч не спешила его проверять, у неё и так было много забот: готовить отчёты, собирать справки, составлять планы, а также разрешать конфликты. Ей не нужно было проверять новичка ещё и по той причине, что на него не было никаких жалоб от родителей. Ещё она боялась того, что обиженный проверкой учитель мог уволиться из школы. И где тогда найти замену? Никто не хочет работать учителем, тем более если школа находится на окраине города.

***

Из кабинета директора он поспешно направился в свой класс.

Дети встретили его радостными возгласами.

– Что мы будем делать? – спросил он у детей.

– Сегодня хорошая погода, давайте погуляем…

– Лучше в футбол поиграем…

– Нет, – сказал учитель, – так нельзя. Урок есть урок. Вот и спрашиваю, что нам делать на уроке?

У него получилось так, что всю программу по чтению и математике он закончил гораздо раньше, чем полагалось. Другие учителя жаловались, что у них не хватает времени, чтобы пройти программу. А у него хватило. И он растерялся: что дальше делать? Не станет же повторять и закреплять пройденное. Тогда он обратился к детям:

– Скажите, что нам делать, когда делать уже нечего?

Сначала предложили почитать что-нибудь интересное. Он сказал:

– Хотите, почитаю вам то, что сам читаю? Это не детская книга, а для взрослых.

Дети восхитились.

Он показал им толстую книгу. Это был роман Достоевского «Преступление и наказание».

– Ух ты! – порадовались дети.

И он начал им читать Достоевского.

Дети увлеклись.

Он не обсуждал с ними ничего, не задавал вопросов. «Слушайте и попытайтесь всё понять», – сказал он детям.

Они, может быть, поняли не всё. Но помогали им чувства: они то грустили, то возмущались, то восхищались. Иногда же лились слёзы – плакали даже мальчики. Не скрывал слёз и учитель.

Так прошла первая свободная от программы неделя.

Когда учитель дочитал последнюю страницу и посмотрел на своих учеников, он их не узнал – они повзрослели, были озабочены.

Потом несколько дней они посвятили музеям, театрам. Остались ещё две свободные недели, после чего завершится учебный год и он расстанется со своим классом и школой.

– Так скажите, что же нам делать?

Голубоглазая девочка сказала:

– У меня есть предложение. Вы же студент филологического факультета, и скоро у вас будут экзамены?

– Это так.

– Нельзя ли узнать, какие вы будете сдавать экзамены?

– Почему же? Можно! Скажем, историю литературы, языкознание…

– Алексей Александрович, – прервала голубоглазая девочка, – расскажите нам об истории русской литературы.

– Что?!

Но дети воодушевились.

Всех перекричал зеленоглазый мальчик.

– Алексей Александрович, вообразите, что вы профессор университета, а мы ваши студенты четвёртого курса. Прочитайте нам лекции по истории русской литературы, а потом мы сдадим вам зачёты…

Класс взорвался от восторга.

– Как?! – не сдавался учитель. – Вы же ученики четвёртого класса!

– А вы вообразите, что мы студенты.

– Но вам будет скучно, лекции ведь для взрослых!

– А вы сделайте так, чтобы нам было интересно.

– Вы же не поймёте.

– Но мы поняли Достоевского…

Все возражения учителя дети смело парировали.

Он отошёл к окну, посмотрел, какую нежную зелень распускают деревья.

Дети застыли в ожидании.

– Значит, вы хотите послушать курс лекций по истории русской литературы? – он не обернулся к детям. За его спиной прогремело «да». – Значит, вы как студенты, а я как профессор? – опять мощное «да». – Так и быть! – сказал он.

– Ура! – закричали дети.

Но Алексей Александрович преобразился.

Его глаза увидели перед собой за студенческой скамьёй тридцать шесть юношей и девушек, красивых и талантливых молодых людей. Студенты четвёртого курса стоя встретили своего любимого профессора.

– Садитесь, – мягко сказал профессор. – Итак, мы начинаем курс истории русской литературы. Сегодня у нас будут две пары вводных лекций…

***

После уроков… Нет-нет, после лекций со своими студентами Алексей Александрович направился в кабинет директора. Ему хотелось выказать своё восхищение по поводу утренних стихов, но в прихожей его остановила секретарша и шёпотом сказала:

– Он ещё не выходил, всех, кто рвался к нему, я отправила обратно!

– Правильно сделали! – похвалил девушку Алексей Александрович и попрощался с ней.

Вышел на улицу. Теплый майский день ласкал его. Настроение было хорошее – профессор остался доволен своими студентами: они были внимательны и задавали умные вопросы.

Он решил идти домой пешком. Понадобится часа три с лишним, время есть, а день – чудесный.

Примерно час он шёл в сторону центра города. По пути надо было пройти через красиво убранный скверик, где в декоративном порядке было посажено огромное количество тюльпанов. Он решил отдохнуть и дать глазам возможность насладиться красотой.

Так он сидел долго, пока не заметил, что погода меняется и может пойти дождь. До этого он думал о своих завтрашних лекциях со студентами, и ему было легко. Но теперь, – была ли причиной тому перемена погоды? – на него нахлынуло обычное для него чувство ненужности. Да, он написал двести страниц, но облегчение не наступает.

«Человек есть Путь, говорит Конфуций, но если у человека нет Пути? Если он не знает о своём Пути? Как ему быть? – думал он. – Человек без Пути – кто он? Вот идёт молодая женщина, кто она – человек Пути? Или этот старичок, который еле передвигает ногами, опирается на палку – он идёт по своему Пути или так и постарел, ни разу не подумав о том, что надо открыть в себе свой Путь?»

О Пути он начал размышлять сейчас, ибо, читая лекции своим студентам, он заговорил о философии Конфуция. К слову пришлось, но он не был конфуцианцем. Его философские взгляды не были целостными. Он полагал, что мир есть хаос нескончаемый, жизнь есть проявление хаоса, и если что-то мы считаем красотой и законом, это есть не что иное, как случайное столкновение или совпадение обстоятельств, которые могли и не совпасть. Но если человек имеет Путь?

Эта идея противоречила его представлениям о хаосе. Однако, философствуя о разных вещах, он не замечал, что идея о Пути всё больше проникает в его сознание.

Вот и сейчас… Он встаёт со скамейки. Это явление закономерное или случайное? Он может пойти направо или налево. Что определяет выбор – случайность или закономерность? С этими нескладными мыслями он оказался перед огромным зданием – случайно это или закономерно?

Он оглянулся вокруг и только сейчас заметил, что дождь уже прошёл и он идёт по мокрому тротуару. Тут он вспомнил, что надо уничтожить записи, лучше сжечь их. Где это сделать? Да, в лесу, а он на другой окраине города. Решил поехать на автобусе, чтобы закончить с этим делом до того, как стемнеет, а потом вернётся домой и займется подготовкой к завтрашним лекциям.

От конечной остановки он шёл ещё минут двадцать. И, как только вошёл в лес, тут же забыл о всемирном хаосе. Спокойствие, пение птиц, воздух душистый, краски природы, стволы берёз очаровали его. Он уселся под деревом и закрыл глаза.

Так он сидел долго. Потом вспомнил, зачем сюда пришёл. Открыл портфель, достал тетрадь и спички. «Зачем я это писал, чтобы прийти сюда и сжечь? Может быть, не надо? Пусть пока хранятся записи. Брошу тетрадь в ящик. Чем она будет мне мешать? Но зачем

она нужна мне? Каждый раз, открывая ящик и видя её, буду раздражаться. Записи ни о чём путном мне ни слова не сказали. Лучше сжечь, и дело с концом».

Тут он услышал голос:

– Тебе нравится здесь?

Перед ним стоял кудрявый мальчик лет пяти-шести со светлыми волосами, большими синими глазами, правильными чертами лица.

– Да, здесь хорошо, – ответил он.

– Ты умеешь понимать птичий язык? – спросил мальчик.

– Нет, к сожалению…

– Жаль, ибо они иногда несут вести. Если люди научатся птичьему языку, то они будут знать, что надо и чего нельзя делать.

– А ты понимаешь птиц?

– Я пока догадываюсь. Только что мне на плечо села птичка и зачирикала. Я понял, что мне надо идти в эту сторону, и увидел тебя.

– А это важно для тебя – увидеть меня?

– Не знаю. Может быть, важно для меня, а может быть, важно для тебя.

– Да? – засмеялся Алексей Александрович. Мальчик ему явно понравился. – Ты один в лесу?

– Вообще-то, лес меня не пугает, и могу ходить один. Но я здесь с мамой, она ягоды собирает. – Мальчик посмотрел на тетрадь. – Что это за книга с красивой обложкой?

– Это не книга.

– Тогда это тетрадь?

– Да, ты угадал.

– Хочешь, угадаю ещё? Раз ты пришёл в лес с этой тетрадью, значит, в ней записано что-то очень важное для тебя.

– К сожалению, я так не думаю.

Алексей Александрович встал.

– До свидания, – сказал он мальчику и ушёл от него.

– Зачем ты так быстро уходишь? – закричал ему вслед мальчик.

Но он не отозвался. И когда счёл, что достаточно от него отдалился, сел на срубленное дерево и приготовил спички.

«Что-то очень важное», – повторил он слова мальчика. Да, эти записи могли быть для него очень важными, но стали ненужными.

Он зажёг спичку и поднёс к обложке тетради.

Обложка загорелась.

За его спиной опять зазвенел голос мальчика, и он вздрогнул от неожиданности.

– Что ты делаешь?

– Ты же видишь, что я делаю.

– Ты сжигаешь важные записи?

– Они вовсе не важные!

– Нет, раз ты сжигаешь, значит, важные. Ты хочешь от них избавиться. Ведь так?

– Мальчик, зачем ты следишь за мной? – рассердился Алексей Александрович.

– Я не слежу за тобой. Это та же самая птичка направила меня. Ты недоволен, что я говорю правду по поводу тетради?

Тем временем огонь на обложке потух. Алексей Александрович опять зажёг спичку.

– Ты разве не знаешь, что в лесу нельзя разводить костёр? Так возникают пожары.

Кто кому даёт урок?

Алексей Александрович на этот раз не рассердился, а засмеялся.

– Ты прав, – сказал он и потушил спичку.

– Ты очень хороший и умный, – и мальчик похлопал его по плечу.

– Спасибо за похвалу.

– А эти записи сжигать не надо. Они пригодится тебе.

– Откуда ты знаешь, что они пригодятся мне?

– Не знаю, но ты не сомневайся.

Алексей Александрович внимательно посмотрел на мальчика. Ему показалось, что находит в нём что-то магнетическое.

– Мальчик, скажи, ты не пропал у мамы, или она пропала у тебя?

– Какая разница, – улыбнулся мальчик, – мы разошлись и, когда нужно будет, найдёмся.

– А если ты у неё пропадёшь?

– Этого не случится.

– Откуда ты знаешь, что случится и что не случится? Возьму я, допустим, и заберу тебя.

– Ты этого не сделаешь.

– Почему?

– В этом нет необходимости.

Оба улыбнулись друг другу и остались довольны игривому разговору.

Подошла молодая красивая женщина.

– Здравствуйте! – сказала она незнакомцу и обратилась к мальчику. – Вот ты где. Пошли, нам пора!

– Мы скоро увидимся, а записи не сжигай, – сказал ему мальчик и пошёл за мамой.

«Какой самоуверенный», – подумал Алексей Александрович, провожая их взглядом.

Он положил тетрадь и спички обратно в портфель и медленным шагом направился к городу.

Автобусная остановка была недалеко. Он увидел, что мальчик с мамой ждут автобуса. На остановке кроме них никого не было. Он ускорил шаг – магнетическая сила мальчика притягивала его. Подъехал пустой автобус. Они подошли к дверям. Мама держала мальчика за руку, помогая ему подняться. В это время мальчик обернулся, тоже увидел его, споткнулся о ступеньку и упал на асфальт, ударившись коленом.

Видимо, ему стало больно, очень больно. Алексей Александрович понял это по тому, какую острую боль ощутил в колене в это же самое время.

Он подбежал к мальчику. Помог подняться и собрался было сказать что-то подбадривающее, но мальчик его опередил; он улыбнулся ему, сказал «спасибо», а перед мамой извинился.

Они поднялись в автобус.

Алексей Александрович тоже поехал бы этим автобусом. Но пока он нагнулся, чтобы поднять с асфальта портфель, двери захлопнулись, и автобус тронулся.

Он глядел вслед удалявшемуся автобусу, и странное, весьма странное чувство начало овладевать им: ему показалось, что мальчик – это он сам, Алексей Александрович, и мальчик этот – его детство! «Это же я?! Этот мальчик – я! Я узнаю себя в мальчике!» – подумал он с удивлением.

***

Сегодня понедельник, день приёма зачётов от студентов. Две недели чтения курса лекций по истории русской литературы шли по восходящей линии. Каждый день студенты всё больше увлекались вопросами, которые разбирал с ними их профессор. Резко изменилось у них отношение к вчерашнему своему учителю. Неожиданно для себя они обнаружили, насколько он мыслящий человек и оратор.

– Профессор, можно ли привести на ваши лекции маму, она очень интересуется литературой! – спросил один студент.

– Можно, – добродушно ответил профессор.

– А я дедушку приведу, можно?

– Можно…

И последние три дня аудитория была переполнена мамами, дедушками, бабушками. Пришли даже несколько пап.

Восторг и удивление росли с каждым днём.

В конце недели профессор объявил:

– В понедельник будете сдавать зачёты.

Понедельник был тем днём, когда по плану завуча в классе Алексея Александровича должен был состояться прощальный праздник: учитель прощается со своим четвёртым классом, дети переходят в пятый, а учитель возвращается в первый. И начинается всё сначала.

Алексей Александрович пошёл к директору.

Тот обрадовался, увидев его.

– Хотел позвать вас сам… Пожалуйста, послушайте мои вчерашние стихи.

Он повлёк его к окну, достал из кармана лист, развернул его, отрешился от всего внешнего, погрузился в себя, и его правая рука начала обводить в воздухе поэтические абстракции. Он читал искусно и вдохновенно.

Я никогда детей не унижал.
Бесился и от ярости дрожал.
Как возмущался!
Как негодовал!
Но повода для мести не давал.

В порыве утверждения добра
Вершил я суд,
Как будто отобрал
Права на то у Бога
Самого,
И удивляя, и смеша Его.

Неважно,
Кто патриций,
Кто плебей,
Неважно,
Кто сильней,
А кто слабей,
И даже
Кто глупей,
А кто умней,
Прости,
Не так уж важно это мне.

Но зло, оно есть зло,
Хоть ты умри,
И подлость – подлость,
Что ни говори.

Не примириться с этим,
Не принять,
И не понять,
И боли не унять.

Вот только дети…
Лгут.
Но ты им верь,
Как верят Небу,
Солнцу
И Траве.
Спасибо,
Господи,
Что удержал
От злобы.
Я детей не унижал.

Он закончил чтение, но понадобилось минуты три, чтобы выйти из поэтического транса.

Алексей Александрович был зачарован стихами. Был восхищён самим директором, глаза которого излучали любовь.

– Вы истинный поэт… – сказал он со всей искренностью.

На лице директора засветилась улыбка благодарности.

– Я бы хотел издать сборник стихов, – сказал он с какой-то застенчивостью, даже чуть покраснел, – не согласились бы вы стать моим редактором?

Алексей Александрович смутился: не ожидал такого лестного предложения.

– Я же ещё студент… Вы прекрасный поэт. Хотите, я попрошу в университете своего профессора, он известный человек в литературных кругах…

Директор прервал его:

– Вы для меня есть известный профессор. Пусть сегодня вы студент, но придёт время, и я буду гордиться тем, что именно вы стали редактором моего первого сборника. Ну как, не откажете?

– Нет, конечно, – сказал Алексей Александрович, а в душе подумал с грустью: «А что есть моё будущее? Нет его у меня».

Момент был подходящий, и Алексей Александрович рассказал директору о своих профессиональных занятиях со студентами четвёртого курса и попросил принять зачёты.

Директор посмотрел на него с изумлением.

– Значит, вы в течение двух недель читали своим ученикам…

– Студентам четвёртого курса, – вставил Алексей Александрович.

Директор принял поправку.

– …студентам четвёртого курса спецкурс по истории литературы в объёме тридцати или сорока часов… Так?

– Именно так!

– Как вам это пришло в голову?!

– Они сами подсказали…

– Как они могли такое подсказать?!

– Почему же, они у меня развитые!

– Скажите, что вы делали с классом эти три года?

– Не знаю… Учил, воспитывал…

Изумление директора переходило не в возмущение, а в восхищение.

– Люблю таких учителей, как вы! – сказал он и похлопал его по плечу. – Хорошо, примем зачеты от ваших студентов. Только пригласим ещё одного литератора из старших классов…

Слух о зачётах в тот *же* день облетел все кабинеты, коридоры, переходы школы.

Учителя начальных классов сразу насторожились: что за инновация такая и почему новичок выпендривается?

Завуч заволновалась. Ни разу не проверяла она уроки студента, в классе он мог натворить все что угодно, он же не профессионал!

Учителя старших классов иронически улыбались: мол, глупость читать ученикам четвёртого класса университетский курс! Но то, чем сами занимались в это время, они не считали глупостью: сосредоточенно и тщательно складывали цифры от двух до пяти, делили сумму и выводили среднеарифметические баллы своим ученикам.

Завуч с двумя именитыми учителями начальных классов пришли к директору предупредить, что такого допускать нельзя. Лучше проверить, как студент справился с классом – срочно провести контрольные. И вообще, от него, неспециалиста по начальным классам, лучше избавиться.

Но директор стоял на своём: его доверие к Алексею Александровичу было выше всяких проверок и сомнений.

Завуч с учителями вышли из кабинета директора недовольными.

А сегодня уже день принятия зачётов.

Студенты четвёртого курса столпились перед аудиторией и с волнением ждут вызова.

Учителя, проходящие мимо, одаривают студентов насмешливыми улыбками. Над ними издеваются старшеклассники.

В аудитории же идёт серьёзная университетская работа.

После того как двое-трое студентов выдержали экзамены и ответили на коварные вопросы, члены комиссии переглянулись и произнесли короткое «м-да-а». С лица учителя-литератора стёрлось недоверие, а лицо директора засияло. Зачёты постепенно перешли в волнующий праздник знаний.

И когда из аудитории вышел последний студент, директор с некоей задумчивостью сказал двум своим коллегам – учителю литературы и Алексею Александровичу:

– Выше всяких знаний есть любовь к знаниям. Дети полюбили литературу, значит, они не пропадут в жизни!

Он пожал руку Алексею Александровичу и вышел из аудитории.

Учитель литературы доброжелательно улыбнулся коллеге.

– Вы новатор, я стал вашим сторонником!

Но учителя, которые проходили мимо аудитории, или те, которые бегали по этажам большой школы, вслух или про себя возмущались выходкой учителя начальных классов, а его эксперимент считали недоразумением.

Так стал Алексей Александрович белой вороной среди учителей и нажил себе стаю неприятелей.

***

Но Алексей Александрович этим не был озабочен.

Во-первых, он и не мог вообразить, какие именно трудности навлёк на себя. Во-вторых, впредь он не собирался оставаться в школе и таким образом эти возможные осложнения могли бесследно испариться.

Три года учительской жизни оставили в нём любовь к детям, но никакой, хоть малейшей привязанности к этой профессии. Скорее наоборот. То, чему учили коллеги и на что они его настраивали, вызывало в нём уныние и жалость к учителям. Рутина – вот как он оценил школьную жизнь. Рутина и насилие. Было ещё одно слово, которым он мог бы оценить самую основу школы, но он тогда не пользовался этим словом, ибо его сознание не выходило за грани его же теории о случайностях и хаосе. Слово это – «духовность», и словам «рутина» и «насилие» он мог бы предварить слово «бездуховность».

Своё ближайшее будущее он видел далеко от школы. Потому в тот же день после зачётов он написал заявление об освобождении от учительской должности.

Милый директор обиделся. «Почему и зачем, – спрашивал он, – вы уходите из школы?» Обещал, что будет поддерживать его педагогическое творчество. Сказал, что видит в нём талантливого учителя.

– Нет, – настаивал Алексей Александрович, – школа – не моё дело…

– Тогда вот что: я не наложу резолюцию на ваше заявление вплоть до начала будущего учебного года.

На том и порешили.

Но Алексей Александрович в своём воображении сжёг все мосты, которые могли привести его обратно в школу.

Воспользовавшись свободой, он начал обходить редакции разных изданий и издательств, предлагая им свои услуги: корректора, корреспондента, стилиста, редактора, разносчика. По вечерам садился у компьютера и через интернет запрашивал справки о работе.

Хотя эти хлопоты отнимали много времени и, казалось, у него не оставалось ни минуты, чтобы заняться чем-то другим, это было не так. Внешние заботы не перекрывали внутреннюю озабоченность.

Да, да, он был весьма и весьма озабочен.

В одном журнале он вычитал, что слово «забота» означает «за божественной тайной».

Перед ним возникла тайна.

Но может ли существовать какая-либо тайна, когда всё в мире строится на случайностях?

Случайное стечение обстоятельств может принести случайное счастье, так же, как и случайное горе. В это он верил.

Но вот и объясни с помощью случайностей рождение в нём мысли о том, что мальчик, с которым он встретился в лесу, есть он сам, есть его живое детство!

Такого ведь не может быть?! «Наверное, у меня сдвинулись мозги, вот и всё». Может быть, мальчик действительно похож на него внешне, когда он сам был таким же маленьким. Вот и совпадение. «А почему у тебя тоже заболело колено, когда он ушибся?» Задавал он этот вопрос самому себе и отвечал на него с лёгкостью и убедительно: «Это называется эмпатическим переживанием и известно всем психологам».

«Но сказал же тебе мальчик: „Мы скоро увидимся“? Опять наивный вопрос. Ребёнок всё может сказать, но не всё будет правдой. Надо же было ему что-то сказать на прощание? Вместо „до свидания“ он сказал: „Скоро увидимся“. Может быть, увидимся, может быть – нет, будет решать случайность».

Так, разговаривая с самим собой, он обходил редакции и издательства. Затем шёл туда, куда вели ноги. А на этот раз они привели его на ту же последнюю остановку автобуса, где начинался лес.

«Вроде я не собирался сегодня пойти в лес. Что мне тут надо?!» – удивился он.

Тем не менее он зашёл в лес и нашёл то место, где встретился с мальчиком и тот отговорил его сжечь записи, считая их важными для него.

«А ведь он был прав! Они были для меня важны, пока я надеялся, что разберусь в себе», – подумал Алексей Александрович. По совету мальчика он спрятал тетрадь в ящик своего компьютерного столика.

«Нет ли здесь мальчика случайно?» – подумал он и добавил: «Это была бы слишком высокая случайность».

Он вышел из леса и направился к остановке автобуса. И вдруг видит: подъезжает автобус, женщина помогает мальчику подняться. Он бежит, чтобы помочь мальчику не упасть, но падает сам и ударяется коленом об асфальт. Ему очень больно. Прохожие помогают ему встать.

– Вы сломали ногу? Может, вызвать скорую? – спрашивает прохожий и достаёт мобильник.

– Спасибо, не надо! – говорит он.

Преодолевает боль и идёт к остановке. Но останавливается на полпути. Решает поставить эксперимент. Возвращается обратно, входит в лес, потом выходит в город и идёт по тротуару. Приближается к тому же месту и твердит самому себе, что не упадёт. Но именно перед последним шагом он забывает об осторожности, ибо видит, как женщина помогает мальчику подняться в автобус. И он падает на асфальт.

Опять острая боль в колене. Теперь уже другие прохожие помогают ему встать, сочувствуют, предлагают вызвать такси. Но он стоит с выражением глубокой озабоченности. Такое лицо может быть только у помешанного. Люди, которые окружили его, в спешке отходят. А к нему вновь возвращается мысль, которая видоизменяется в разных вариациях, чтобы выразиться точнее: «Я есть тот мальчик… В том мальчике нахожусь я сам… Я повторяю своё детство…» Он разводит руками и, к удивлению прохожих, произносит с недоумением:

– Я же не могу дважды родиться?!

***

Утром ему позвонили из одного издательства и сообщили, что могут взять его на испытательный срок на должность корректора.

Он явился в издательство немедленно. Ему сразу выдали приказ о назначении, оговорили зарплату. Потом молодая женщина отвела его к рабочему столику, где стоял компьютер, и сказала:

– Вот вам дискета с будущей книгой. Читайте прямо на компьютере и делайте правки. Работа срочная. Если будет что непонятно, обращайтесь ко мне.

Она уселась за своим столиком у компьютера недалеко от него, у окна. В комнате их было трое: один пожилой человек, видимо, заведующий отделом; молодая женщина, может быть, редактор; он сам.

Он вставил дискету в компьютер и приступил к работе. Ошибок в тексте обнаружил много, потому дело двигалось медленно. Но и книга увлекла его.

Правда, она была не в его вкусе, точнее, таких философских книг он ещё не читал. Потому ему было трудно понять, что есть Дальние Миры, что есть Космическая связь, что есть Веление Космической Жизни, что есть Тонкий Мир, как может быть сердце свыше действующим органом. Но мудрость, которая струилась буквально из каждой строки, поражала его. Ему приходилось два-три раза перечитывать страницу, чтобы править и не упускать мудрость.

Невольно запоминал фразы, которые в какой-то степени задевали его интересы. «Иди путём любви, иди путём труда, иди путём щита веры». Не о том ли Пути идёт речь, о котором говорил Конфуций? Нет, решил он, здесь, наверное, говорится о том пути, по которому можно найти свой Путь. «Иди сердцем, и чаша путь утвердит». И он опять задумался. Какая

чаша? Какой путь она утвердит? Как идти Сердцем? Ему показалось, что во фразе «иди Сердцем» подразумевается идея о случайностях: «Иди, как захочет Сердце, не думай ни о чём; что будет, то и будет», – так он истолковал мысль из книги.

«Как это так?!» – удивился он, когда вычитал: «Приучайтесь ничему не поражаться и не удивляться». Как не поражаться и как не удивляться? Зачем же тогда человеку эти свойства? Но раз написано, значит, есть здесь какая-то мудрость. Действительно, заключил он, если всё строится на случайностях, то чему же тогда можно удивляться? Тому, что произошло счастливое стечение обстоятельств? Ни поражаться, ни удивляться такой случайной обстановке, конечно, не нужно.

Он старался по-своему толковать мысли, которые заставляли его отрываться от правки текста и задумываться. Но вовсе не предполагал, что философская основа книги этого не потерпит.

В одном месте он споткнулся об эти мысли. В книге было написано о следующей истории: «„Замок заблуждений“ – так называются развалины в Курдистане. Говорят, что замок был построен по ошибке: место было выбрано по ошибке; владелец женился по ошибке; играл в кости по ошибке; заболел по ошибке и погиб по ошибке. Можно допустить лишь известное количество ошибок!»

Ого, сказал он себе, а что есть тогда случайность? Если она есть проявление хаоса, то её тоже следует принимать за ошибку. И тогда что же получается? Владелец замка прожил всю свою жизнь случайно? Мудрость же в том, что можно допустить лишь известное количество случайностей, а дальше вступают в силу закон и порядок. Так ведь надо понимать?

Он закрыл глаза и ушёл в мысли. Двести страниц заполнил он, вспоминая события своей жизни, чтобы докопаться до причин отчуждённости, ненужности и одиночества. Зачем ему эти причины, если их можно тоже считать случайностями?

«Я работал с детьми, – думал он, – и я не был одинок. Но чувство одиночества всё же пожирало и пожирает меня. Дети любили меня, значит, я был им нужен. Но я не могу преодолеть в себе переживание ненужности. Я не отчуждён людьми. Ведь не хотел меня отпускать директор школы. Но чувство отчуждённости всё же не даёт мне покоя…» Мысли эти спотыкались о мысли, которые он вычитывал в книге.

– Вам плохо? – услышал он голос молодой женщины.

– Нет-нет, я просто задумался… – быстро возразил он.

– Выпейте кофе, – и она поставила на столик чашку.

Пожилой мужчина, видимо, ушёл. Алексей Александрович посмотрел на часы. Рабочее время кончилось. Но ему дали срочную работу. Как быть? Он вопросительно взглянул в сторону молодой женщины. Она собиралась уходить.

– Вы можете остаться и ещё поработать, если хотите. Вахтёр сам закроет комнату. А мне пора. До свидания!

– Спасибо за кофе…

Женщина ушла. Он опять закрыл глаза.

Мысли начали беспорядочно крутиться в его голове. Но в мысленном хаосе возникли чистые линии, они создали экран, и на нём начал проявляться образ женщины. Он вздрогнул. Нет, невозможно не поражаться и не удивляться тому, что он сейчас созерцает! Он видит перед собой молодую красивую женщину, которая только что ушла, ту самую женщину, которая есть мама мальчика, и того самого мальчика, который есть он!

Ошибка ли это?

Случайность ли?

Или, может быть, всё это есть продукт больного воображения?

Он мигом выскочил на улицу.

Где она? В какую сторону ушла?

И он побрёл туда, куда шли ноги.

***

Он шёл и размышлял о том, что с ним происходит. Мысли, которые он извлёк из корректируемой им книги, начали исправлять его сознание. Он понял, что заблуждается в своих убеждениях по поводу случайностей, и бросился в крайность – всё закономерно, нет никаких случайностей. Приняв эту точку зрения, он попытался переосмыслить события, происходящие в его жизни, но это оказалось делом затруднительным – где эти закономерности? События происходят, а причин не видно. Почему сердце его разрывается при мысли, что он случайно рождённый и потому лишний среди людей? Он не находит смысла своей жизни, он не находит путь, чтобы найти свой Путь. Сказал же Конфуций: человек без Пути уже не человек. Мысли и жизнь его оказались в тупике.

А теперь эта навязчивая идея, что он есть тот мальчик. Не может избавиться от неё, но действительно ли хочет избавиться? Скорее он цепляется за неё, как за соломинку. Зачем он хочет догнать эту женщину? Что он ей скажет? Скажи ей эту несуразицу, что её сын есть он сам – корректор издательства, она, нет сомнений, посмотрит на него с чувством сожаления: молодой человек лишился рассудка. Как же по-другому она может отреагировать на такое? Ему лучше уйти из издательства; ещё лучше будет, если он вообще уедет куда-нибудь далеко, уедет насовсем.

Придя домой, он достал тетрадь из ящика стола и сразу лёг в постель как больной. Но, не успев раскрыть её, заснул. Утром тетрадь валялась на полу. Он бросил её обратно в ящик, срочно привёл себя в порядок и поспешил на работу. Пришёл в издательство рано. Решил выполнить задание и тут же подать заявление об уходе. Но, конечно, хотел увидеть молодую красивую женщину, хотя уже уговорил и убедил себя, что нельзя сказать ей ни слова о своей навязчивой идее. Может быть, только намекнёт: не она ли та самая женщина с мальчиком, которую он видел в лесу?

До обеда он был один в издательстве. Потом пришёл пожилой мужчина.

– Как дела? – спросил он.

– Я закончил правку, – ответил Алексей Александрович.

– Так быстро?! – удивился тот.

– Работа же была срочная!

– Отлично! Такое отношение к делу перспективно для вас.

– Но я увольняюсь.

– Как?! Вы же только вчера… Мы вас обидели?

– Нет, меня здесь никто не обижал. Я просто не учёл некие личные обстоятельства. Я уезжаю…

– Ну что же, – произнёс с досадой пожилой мужчина, скорее, заведующий отделом, – берите расчёт у бухгалтера.

С ним рассчитались, и он вернулся к заведующему попрощаться. Но его волновало и другое.

– Обидно расставаться с вами, – сказал заведующий.

Алексей Александрович взглянул в сторону столика, где вчера сидела молодая и красивая женщина.

– Её сегодня не будет, – сказал заведующий, – она отпросилась на один день. Я передам ей ваш привет.

На улице было жарко. Тем не менее он решил походить по городу пешком. «Почему говорят, что в ногах правды нет? – подумал он. – Мои ноги знают больше, чем моя голова. „Иди Сердцем“ – значит, доверься ногам. Ведите, ноги мои, вы умнее, чем всё моё тело!»

И ноги повели, а сам он погрузился в мысли. Два часа спустя он обнаружил, что недалеко видна его школа, и поругал свои ноги. «Вам туда больше не надо!» – сказал он им властно, повернулся и опять отдался мыслям. А ноги вели.

Спустя час он очнулся. «Где я?» И очень удивился, что стоит недалеко от леса, в нескольких шагах от того места, где он упал. «Что могло произойти, если бы я прошёл незаметно для себя эту часть тротуара?» – подумал он. На этот раз он не испытал судьбу. А ногам сказал: «Почему вы привели меня сюда? Чтобы ещё раз упасть? И здесь вас больше не будет!»

Тогда ноги, видимо, обиженные, что хозяин их не понимает и ругает, направились домой. Он это понял, когда вдруг почувствовал во всём теле, и в ногах прежде всего, жуткую усталость, а на другой стороне улицы увидел свой дом. Ему хватило сил подумать о том, что раньше, будучи ребёнком, они с мамой жили именно в таком же четырёхэтажном доме на четвёртом этаже в однокомнатной квартире. «Может быть, это случайность, может быть, нет», – пофилософствовал он.

Он перешёл улицу через подземку.

Ноги ныли.

У подъезда стоял грузовик, и рабочие выгружали из него мебель.

Алексей Александрович вошёл в подъезд вслед за двумя рабочими, которые несли по лестнице старинный буфет. Они остановились на втором этаже, где настежь была открыта дверь, только не от той квартиры, которая вызывала в нём смутные чувства, а от другой, которая находилась сбоку.

Рабочие перекрыли дорогу, и он не мог пройти, да и ноги потребовали передышки.

На площадку вышла женщина.

– Занесите в комнату, пожалуйста! – сказала она рабочим.

Увидев её, он оторопел. Это же не просто женщина, а та самая – молодая и красивая! Не пригодилась ему мудрость: не поражаться и не удивляться. Он и не смог бы воспользоваться ею, потому что уже был и поражён, и удивлён, и озадачен.

А она, видимо, давно овладела собой: улыбалась ему так, будто на этой площадке они встречались всю жизнь.

Выбежал мальчик и, увидев его, тоже не удивился. Он только восхитился, засмеялся и воскликнул:

– Я же сказал тебе, что скоро увидимся…

И в это время сознание Алексея Александровича вздрогнуло, может быть, перевернулось. В нём лихорадочно пронеслись слова, как рекламная электронная бегущая строка, которую не успеваешь прочесть и потому схватываешь обрывки: «Один случай… два случая… три случая… нет больше случаев…»

Строка оборвалась.

Произошло затмение.

***

– Мама, сейчас он откроет глаза! – послышался звонкий и радостный голос мальчика.

Он вышел из забвения и медленно открыл глаза.

На него смотрел улыбающийся мальчик. Подошла молодая красивая женщина.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она заботливо и положила ему руку на лоб, потом проверила пульс.

– Где я? – произнёс он слабым голосом.

– У нас дома.

– Почему? Что со мной случилось?

– Вы не помните? Видимо, от усталости и оттого, что весь день, наверное, ничего не ели, вы на нашей площадке потеряли сознание, упали в обморок… Как вы себя чувствуете? – повторила она свой вопрос.

– Думаю, могу встать…

Он вспомнил всё, что было до потери сознания; вспомнил, что сам живёт на четвёртом этаже этого дома.

– Я лучше поднимусь к себе… – сказал он и присел на диван. – Который час?

– Семь часов утра.

Этого он не ожидал.

– Значит, я был у вас всю ночь?!

– Да, и у вас был сильный жар. А сейчас температура спала, и пульс нормальный. Но я не советую вам сегодня выходить на улицу. Я скажу на работе, что вас сегодня не будет.

– Нет необходимости, я уволился…

– Зачем?! Нашли другую работу?

Он пожал плечами, другого ответа у него не было.

– Я поднимусь к себе… – и он собрался было направиться к выходу. У него квартира такая же – однокомнатная, и он знал всю её планировку.

Мальчик возразил:

– Мы не отпустим тебя…

– Говори на «вы», – предупредила мама.

– Нет, с ним можно говорить на «ты», он не обидится. Разве не так?

– Да, конечно… – и он слабо улыбнулся.

– Мы не отпустим тебя, – продолжил мальчик, – ты с нами позавтракаешь. Ты ещё должен познакомиться с нами!

Он покраснел. Действительно, женщина с ребёнком всю ночь ухаживали за ним. Где же они спали в этой комнате? А он убегает, не сказав «спасибо».

– Простите, – обратился он к молодой красивой женщине, – я причинил вам столько хлопот… Спасибо за заботу…

– Пустяки. Сын правильно сказал, я приготовлю завтрак, – и она пошла на кухню. А кухня, он знает, маленькая, они втроём с трудом уместятся.

– Встань, выглянем в окно, – сказал мальчик. Они подошли к окну. Мальчик забрался на узкий подоконник. – Я знаю, как тебя зовут, – продолжал он, – хочешь, скажу? Алексей Александрович, ведь так? А в детстве мама звала тебя Лёшенькой, правда?

Он кивнул головой – конечно, правда.

– У тебя глаза очень грустные и озабоченные. Почему?

Мальчик попал в точку. Он вздрогнул, не знал, что ответить. А мальчик оказался очень наблюдательным.

– Почему ты вздрогнул? – спросил он. – Хочешь, скажу, почему? Я сказал правду, так ведь?

От ответа на вопрос мальчика его спасла молодая красивая женщина: она звала их завтракать.

Мальчик слез с подоконника и потянул Алексея Александровича за рукав.

– Пошли.

На маленьком столике пока ещё не обустроенной кухни стояли три тарелочки, пахло гречихой и кофе.

Они уселись у столика.

– Скажите, почему вы уволились, вам не понравилась работа? – спросила женщина.

– Мама, ты не хочешь знать, как его зовут?

– Да я же оформляла вчера ваши документы! Вас зовут… – и она запнулась.

– Алексей Александрович! – сказал мальчик. – А ты ведь тоже хочешь знать, как зовут мою маму? У неё такое же красивое имя, как она сама, – Мария. Обращайся к маме просто по имени. Так мы быстро подружимся. Ты – Алексей, она – Мария, ты – Лёша, она – Маша… – мальчик явно веселился.

– Хватит тебе, не смущай гостя.

– Он не гость, он наш сосед и станет нам близким человеком, вот так! – мальчик не умолкал.

Алексей Александрович не знал, что сказать.

– Ответь на вопрос мамы: почему ты ушёл с работы?

– Сынок, дай нам поговорить!

– А мы что делаем? Разговариваем! Сейчас он скажет тебе, почему бросил работу в издательстве.

Алексей Александрович, наконец, овладел собой и улыбнулся.

– Видите ли, – сказал он, – я решил уехать из этого города.

– Ты решил это вчера? – спросил мальчик.

Он кивнул головой.

– А до вчерашнего дня ты об этом не думал? – опять спросил мальчик.

– Нет, – ответил Алексей Александрович, – эта мысль пришла мне в голову вчера.

– Тогда должна быть причина. Почему так решил?

– Сынок, – вмешалась мама, – это его дело. Нельзя так допытываться!

– Мама, что значит – его дело, когда оно задевает дела других? Он же наш человек. Он закрытый, разве не видишь? А надо, чтобы он был открытым.

– Откуда тебе знать, что ему надо? Не смущай Алексея Александровича!

– Мама, подожди! – и он обратился к Алексею Александровичу. – Помнишь, я сказал тебе в лесу, что мы ещё увидимся? Помнишь?

Алексей Александрович кивнул головой.

– А ты помнишь, мама, я сказал тебе, что мы познакомимся с молодым человеком? Помнишь?

– Ну и что? – сказала мама. Ей было неловко перед гостем.

– А теперь вот что скажу: он ведь уволился, чтобы уехать насовсем в другой город? Вот и никуда не уедет, а сам думает, что обязательно уедет.

Алексей Александрович был ошарашен. Он робко спросил:

– Ты откуда знаешь, что не уеду? Ты видишь будущее?

– Это не важно, но я сказал правду.

– Не знаю, когда он говорит правду, а когда – неправду! – мама попыталась снять напряжение с гостя.

– Я всегда говорю правду, – твёрдо сказал мальчик, – но моя правда иногда сбывается спустя месяц, а ты тем временем забываешь, что это была моя правда.

– Хорошо! – откликнулась мама с какой-то внутренней просьбой. – Пусть будет твоя правда, но дай человеку поесть!

– Я понял, – сказал мальчик и умолк.

Для поддержания разговора молодая красивая женщина спросила:

– У вас такая же однокомнатная квартира?

– Да, над вами, только через этаж.

– Квартира, конечно, маленькая, но нам хватает.

– Вы купили эту квартиру?

– Нет, не купили, мы обменяли. Сначала у нас была трёхкомнатная квартира, она осталась у меня от родителей! Нам стало трудно, и мы обменяли её на двухкомнатную. А теперь

опять стало трудно, и мы двухкомнатную обменяли на эту однокомнатную. Конечно, нам доплатили… – она рассказывала об этом с грустью и как будто нехотя.

Мальчик заговорил:

– Я знаю, ты это сделала из-за меня. Хочешь услышать мою правду?

– Ну, скажи, – согласилась мама.

– Ровно через год… Сейчас май, так? Ровно через год твоя жизнь изменится. Она и сейчас хорошая у тебя, но станет другая.

– Хватит мне твоих обещаний. Встань, готовься, тебе пора в детский сад, а мне – на работу! – и она обратилась к Алексею Александровичу. – Вы уж извините, пожалуйста, нас, но не люблю опаздывать на работу! – и добавила: – Зря вы ушли из издательства. Оно выпускает духовно-философскую литературу рериховского направления. Я не просто редактирую книги, а насыщаюсь удивительными и прекрасными идеями.

Алексей Александрович не успел что-либо ответить молодой красивой женщине, как заговорил мальчик.

– Мама, вот что я тебе скажу. Ты поезжай прямо на работу, а меня в детский сад отведёт Алексей Александрович.

Мама растерялась, она не находила слов, как одёрнуть сына и как извиниться за его дерзость перед гостем.

Но Алексей Александрович оживился, и все разговоры завершились так, как сказал мальчик.

Они втроём вышли на улицу. Мужчины посадили в автобус молодую красивую женщину Марию, а сами на другом автобусе и в другом направлении поехали в детский сад.

***

Они уселись поближе к водителю.

– Ты же не знаешь, как меня зовут? Почему не спрашиваешь? – заговорил мальчик.

Который раз сегодня мальчик загонял его в краску. Ведь надо было спросить, как его зовут?

– Извини, пожалуйста. У тебя, наверное, очень красивое имя!

– Тебе нравится твоё имя? – спросил мальчик.

– Почему бы и нет! Мама меня так назвала!

– Меня тоже назвала мама, и мне нравится моё имя. Я тоже, как ты, Алексей.

– Что?! Алексей?! Не может быть! – воскликнул Алексей Александрович.

– Чему ты удивляешься? Думаешь, другой, кроме тебя, не имеет права носить это имя?

– Нет, почему же… Но как это так, что ты тоже Алексей?

– Наверное, так нужно было, – спокойно пояснил мальчик.

На следующей остановке поднялись две молодые женщины, одна из которых была с девочкой, другая – с мальчиком. Детям было по три-четыре годика. Мамы усадили их вместе, сами уселись за ними и продолжили прерванный разговор.

– Я знаю их, они из нашего детского сада, – шепнул мальчик Алексею Александровичу.

– Ты знаешь всех ребят?

– Нет, не всех, но многих. Ты, наверное, тоже ходил в детский сад?

– Да, – ответил он неохотно.

– Тебе не хочется вспомнить кое-что из детства?

– Как сказать… Не очень. Да и затуманено в моей голове это прошлое.

– Ничего светлого не осталось от той жизни? – допытывался мальчик.

– Не знаю…

– Посмотри на этого мальчика и эту девочку, – сказал он вдруг, – видишь, они шушукаются и хихикают. Как ты думаешь, они влюблены?

– Какое им время влюбляться!

– Это почему? – возразил мальчик. – Кто может сказать, что именно сейчас не определяется их отдалённая судьба?

– Но это очень раннее детство… – стоял на своём Алексей Александрович.

– Я всё же думаю, что они шепчутся о своём будущем.

– Ни о каком будущем они не шушукаются. Говорят, наверное, о каких-то глупостях.

Мальчик сердито посмотрел на него.

– Дети не умеют говорить глупости, – сказал он строго, – они могут говорить о кошке, о мышке, о солнце, об облаке, могут говорить ни о чём. Это для вас – взрослых – глупости. Но так они обсуждают смысл жизни. Однако взрослые часто мешают им этим заниматься.

Автобус остановился, и мамы засуетились.

– А ну-ка, Машенька, быстро…

– А ну-ка, Лёшенька, вылезай…

Родители тоже сошли с автобуса вслед за детьми.

Машенька и Лёшенька взялись за руки и побежали вперёд. Мамы погнались за ними.

Во дворе детского сада было много детей и взрослых – мам, пап, бабушек и дедушек.

Мальчик потянул Алексея Александровича за руку и тихо сказал:

– Вот она – Антонина Георгиевна, моя воспитательница. Теперь ты можешь идти. Вечером за мной придёт мама, так что ты можешь заниматься переездом в другой город, – сказал мальчик.

– Хорошо…

Мальчик направился в сторону воспитательницы.

Алексей Александрович ушёл не сразу – он взглядом провожал мальчика, пока тот не присоединился к группе Антонины Георгиевны. Но стоило ему повернуться и сделать пару шагов к выходу, как услышал, что мальчик зовёт его. Он подбежал к нему, взял за руку и отвёл в сторонку.

– Можно, я доверю тебе секрет?

– Конечно!

– А ты не скажешь маме?

– Нет, раз ты этого не хочешь.

– Тогда наклонись, шепну тебе на ухо.

Алексей Александрович присел на корточки, и мальчик проговорил ему прямо в ухо:

– Понимаешь, случается так, что в тихий час я мочусь в постели. Из-за этого Антонина Георгиевна злится на меня и угрожает.

В это время раздался резкий мужеподобный голос Антонины Георгиевны:

– Алексей, вернись немедленно, хватит шушукаться!

– Я ненавижу её… – шепнул мальчик, и не спеша побрёл обратно.

Алексей Александрович так и остался сидеть на корточках, как скульптура из камня. Детей завели в здание. Он прислонился к забору, закрыл глаза и вслушался в голос мальчика – хотел за звучанием и за словами увидеть то, что могло происходить в этом белоснежном здании. «Я ненавижу», – сказал мальчик. Видимо, это она ненавидит его, что и вызывает в нём ответную ненависть. Алексей Александрович не педагог, то есть не имеет диплома о так называемом высшем педагогическом образовании, но разве нужно им быть, чтобы понять: любовь воспитывается любовью!

Во дворе ещё оставались взрослые, которые привели детей; они стояли группами, о чём-то говорили, а потом медленно расходились. Сторож велел всем покинуть двор. Алексей

Александрович оглянулся и нашёл уголок, где мог укрыться от сторожа. Тот, освободив двор, запер ворота на тяжёлый замок и вошёл в свою будку.

Алексей Александрович сел на траву, прислонился к стволу дерева и закрыл глаза. Тайна мальчика жгла всё его нутро. Он один со своей тайной, как и Алексей Александрович один перед своими мучительными переживаниями.

Со второго этажа то и дело он слышит резкий мужеподобный голос воспитательницы. Голос кажется ему до боли знакомым и вызывает злобу и страх.

Он старается вообразить, что сейчас происходит с мальчиком.

Смутные воспоминания начинают в нём разворачиваться, и потому в тетради из двухсот страниц об этой полосе жизни у него остались лишь неразборчивые каракули.

Но сейчас эти каракули раздвигаются как двери, и он вместе со всей группой детей входит в спальную комнату.

Воспитательница мужеподобным голосом властно произносит: «Ложитесь немедленно! Ни звука… У меня в руках ножницы. Могу кому-то отрезать что-то».

Она действительно держит устрашающего размера ножницы и крутит ими.

Дети прячут головы под одеяла.

А Алексей (его воспитательница никогда не звала ласково – «Лёша», «Лёшенька», а обзывала «дурак дураком» или что-то в этом роде) тоже уходит с головой под одеяло и закрывает глаза.

В спальной комнате воцаряется гробовая тишина; она превращается в кладбище живых детей.

На этом кладбище из-под какого-то одеяла вдруг раздаётся выстрел. Он не очень пугающий, не сотрясает пространство, но для кладбища звучный.

«Кто это?» – гремит мужеподобный голос.

Из-под одеяла вырывается рыдание обречённого: «Не я… не я… больше не буду-у-у…»

На этот раз воспитательница проявляет жалость и не режет ребёнку ничего. Она велит всем заснуть немедленно.

Алексей заснул бы, он усталый, напуганный, истерзанный. Но не осмеливается заснуть: а вдруг опять произойдёт с ним то же самое, что на днях.

Воспитательница тогда накричала на него и схватила ножницы. Он заорал и залез под кровать, чтобы укрыться от ее гнева.

Она строго и на полном серьёзе сказала ему: «Вылезай… На этот раз ничего не сделаю. Но повторишь то же самое, отрежу писульку… Понял?»

И в руках её зловеще зацокали ножницы.

Алексей после того дня не осмеливается заснуть, покрывает одеялом голову, берёт в руки писульку и держит крепко, чтобы она не свалила вновь беду на его голову. Даже сам подумывал отрезать её себе и таким образом обрести спокойствие.

Сейчас он лежит под одеялом таким же образом и ждёт, когда кончится этот мёртвый час.

В мыслях он угрожает своей писульке: «Если пустишь, отрежу».

Но мысли устают, и он засыпает.

Рука, которая крепко держит виновницу, слабеет, и страшный грех свершается. Он просыпается и с ужасом осознаёт, что лежит в мокроте.

Его охватывает злоба.

«Убью, убью», – кричит он обречённо.

Хватает писульку обеими руками и старается вырвать с корнями.

Больно, очень больно!

Но его злоба не стихает.

Вдруг одеяло, которое покрывает его, взлетает вверх, и он видит только ножницы, большие, крупные, и слышит их зловещий скрежет.

«Отрежьте… отрежьте…»

С рыданием умоляет он ту, которая стоит над ним, как зверь, и тянет руками свою плоть.

«Заткнись!» – гремит воспитательница.

Он сразу умолкает.

«Слезь с кровати!»

Он слезает с кровати.

«Раздевайся!»

Он снимает майку.

«Сними трусы!»

Он дрожащими руками снимает мокрые трусы.

«Подними руку с трусами!»

Он поднимает трусы над головой.

«А теперь шагай по комнате!»

Он делает робкие шаги.

«Быстрее!»

Он ускоряет шаг.

«Кричи, чтобы услышали все: „Я писуля!“ Кричи!»

Дети – девочки и мальчики высовываются из-под одеял и со страхом глядят, как голый мальчик, держа над головой мокрые трусы, ходит по комнате, подходит к каждому и тупо произносит:

«Я писуля… Я писуля…»

«Громче!» – кричит воспитательница.

И наступает святое мгновение. Это тогда, когда он подходит к кровати Машеньки.

И вдруг сознаёт весь ужас своего унижения.

Он осознаёт не детским, а взрослым умом, что эта женщина плюёт ему в лицо, плюёт на его честь и достоинство.

Но как пятилетний, он не выдерживает этот ужас и падает у кровати Машеньки, потеряв сознание.

Потом он приходит в себя в кабинете медсестры.

Оттуда его забирает грозная воспитательница, которая не расстаётся с ножницами. Отводит в угол и строго внушает: «Никому об этом ни слова, понял?» – скрежещут ножницы.

Он кивает головой, но не знает, о чём она, ибо всё произошедшее вспоминается смутно…

Алексей Александрович весь в поту. Тело его будто вот-вот взорвётся, как бомба. Со второго этажа белоснежного здания вдруг раздаётся гром мужеподобного голоса:

– Кому я сказала! Закрой глаза немедленно! Всем спать!

Алексей Александрович видит, как мальчик прячется под одеялом, но спать не может.

«Надо спасти его, пока не поздно!» – приказывает он самому себе.

Он выскакивает из своего укрытия, где спрятался от сторожа.

Бежит к белоснежному зданию.

Там совсем тихо.

Стих мужеподобный голос воспитательницы.

Там сейчас мёртвый час.

Он подбегает к открытому окошку и кричит во весь голос:

– Лёша! Лёшенька! Я здесь, прыгай из окна! Я здесь, не бойся!

Мёртвый час разбивается, как хрустальная ваза, в которую выстрелили из пушки.

– Лёша… Лёшенька… Прыгай…

Он зовёт мальчика, зовёт себя, зовёт отчаянно.

– Лёшенька…

Открытое окошко отозвалось зловещим шипением:

– Стой… стой, тебе говорю… куда ты… стой, мерзавец… я тебя… я тебя…

И слышен скрежет ножниц.

В окошке появляется мальчик.

Алексей Александрович чувствует, как сам прыгает из окна второго этажа и сам же ловит себя в воздухе.

Руки его прижимают мальчика к груди.

Он бежит к забору и вместе с мальчиком перелезает через него.

***

Мальчик больше не вернулся в детский сад. Он убедил маму, что для него там нет ничего интересного. Мужчины сохранили тайну, а молодая красивая женщина о произошедшем ничего не узнала.

Но мама тревожилась о другом.

– Тебе же надо подготовиться к школе! – сказала она.

– Верно, мне скоро будет шесть лет, – охотно согласился мальчик.

– Вот видишь… В детском саду тебя бы научили… – это была последняя попытка уговорить мальчика вернуться в детский сад.

– Постой, мама, я лучшее предложу. Давай пригласим Алексея Александровича и посоветуемся с ним. Как-никак, он бывший учитель.

Алексея Александровича они пригласили вечером на чай.

Устроились на кухне.

Сначала молодая красивая женщина рассказала ему о новой книге, которую она закончила редактировать.

– Знаете ли вы, что означает «расширенное сознание»? – спросила она.

Алексей Александрович задумался.

– По моему представлению, это такое сознание, которое интересуется всем, что его окружает. Я угадал?

– Не совсем, – сказала она мягко, – расширенное сознание вмещает в себя как в единое целое понимание мира земного и мира надземного, мира материального и мира духовного.

И молодая красивая женщина начала излагать принципы космической философии. Мальчик сначала внимательно слушал мамин рассказ, а потом прервал её:

– Мама, посмотри на Алексея Александровича – ему же трудно понять, о чём ты говоришь, он мучается.

– Нет-нет, я слушаю, я… – сконфузился Алексей Александрович, ибо мальчик говорил правду.

– Ой, простите, если так… – покраснела красивая молодая женщина.

– Мама, вот что я тебе скажу: расскажи Алексею Александровичу об этой философии тогда, когда она станет твоей.

– Это как? – не поняла мама.

– Так, как будто ты сама её выдумала. А сейчас ты пересказываешь её как забавную небылицу.

Молодой красивой женщине и Алексею Александровичу стало неловко.

– Но мне об этом надо знать, – попытался смягчить ситуацию Алексей Александрович. – Об этой философии мне ещё никто ничего не говорил, профессора философии в университете о ней ни единым словом не упоминали.

– Верно, и тебе надо знать об этом, и маме надо знать. Думаю, надо, чтобы всё человечество знало о ней.

– Вот Мария и объясняет мне…

Мальчик остановил Алексея Александровича:

– Хотите, посоветую, как вам лучше изучать космическую философию?

Оба вопросительно взглянули на мальчика.

– Вот что я вам посоветую. Берите саму книгу, прочитайте её внимательно, с карандашом в руке. Попытайтесь разобраться в ней, насколько сможете. А потом соберитесь вдвоём, и меня позовите как слушателя, и помогите друг другу понять книгу ещё глубже. Хорошо будет?

– Да, я согласен, – сказал Алексей Александрович.

– Я тоже, – сказала молодая красивая женщина.

Мальчик продолжил:

– Ещё лучше будет, если космическую философию вы объясните мне, шестилетнему мальчику.

– Тебе ещё нет шести, – уточнила мама.

– Ну хорошо, пятилетнему… Объяснили бы мне на доступном языке и с примерами космическую философию, которая есть, как я знаю, новое мышление.

– Откуда ты знаешь?! – с удивлением спросила мама.

– Я ничего не знаю, мама. Я просто говорю то, что на ум приходит. И если я вас пойму, то считайте, что эта философия уже ваша, как бы вы сами её сочинили.

Мальчик говорил вовсе не как маленький и вовсе не как несмышлёный. Мама ещё не знала своего сына таким. Ещё больше был поражён Алексей Александрович. Перед мальчиком он то и дело чувствовал себя беспомощным.

Что они могли возразить ему?

– Действительно, почему бы нам не последовать этому совету? – сказал Алексей Александрович.

– Да, так будет лучше, – сказала молодая красивая женщина.

– Тогда медлить не надо. Мама, у тебя же есть несколько экземпляров книги, которую ты редактировала? Дай один Алексею Александровичу. Он прочитает её, а потом…

Мама послушно встала, принесла красиво изданную книгу в вишнёвом переплете и протянула её Алексею Александровичу.

– Берите, пусть она будет вашей.

– Отлично, – сказал мальчик. – А теперь поговорим о том, что меня надо готовить к школе.

– Да, Алексей Александрович, нам нужен ваш совет, – с какой-то оживлённостью начала мама. – Сын в этом году поступит в школу. У вас педагогический опыт. Может быть, посоветуете, как его подготовить?

– Какой у меня опыт, смешно даже! – засуетился Алексей Александрович.

– А у нас нет никого, кто бы мог нам что-то объяснить.

Алексей Александрович посмотрел на мальчика, будто ждал от него подсказки. Мальчик молчал.

– Может быть, сделаем так, – робко произнёс Алексей Александрович, – на днях я почитаю несколько книг по подготовке детей к школе, проконсультируюсь со специалистами и, если позволите, сам займусь подготовкой мальчика.

– Ой, как здорово будет! – восхитился мальчик. – Ты лучше всех поможешь мне!

А мама забеспокоилась.

– Это же будет большая нагрузка для вас. Мы не можем позволить себе…

– Нет-нет, не беспокойтесь, я же не работаю, у меня есть время! – поспешил успокоить молодую красивую женщину Алексей Александрович.

– Может быть, я заплачу вам? – робко спросила она.

– Ни в коем случае, как можно! – заволновался Алексей Александрович.

– Хотите совет? – неожиданно произнёс мальчик.

Мама насторожилась.

– Ты даёшь нам дельные советы, помоги нам, – сказал Алексей Александрович.

– И сейчас дам вам хороший совет. Как я догадываюсь, ты уже не помышляешь о том, чтобы уехать куда-то далеко, ведь так?

Алексей Александрович широко раскрыл рот, чтобы глотнуть воздух.

– Что с вами? – забеспокоилась молодая красивая женщина.

– Ничего-ничего… – спешно успокоил он её и только сейчас понял, что подсознательно он действительно так и решил.

Мальчик дождался, пока тот отпил из чашки глоток чая, и успокоился. Потом сказал:

– Тебе и не надо никуда уезжать. Потому советую вернуться в издательство. И не только текст править, но и изучать космическую философию, как это делает мама, когда редактирует книги. А по вечерам по субботам и воскресеньям ты можешь заниматься со мной – готовить к школе. Ну как, хороший совет?

Совет был очень даже дельный и приемлемый.

Но Алексей Александрович сильно сомневался, что мальчик вообще нуждается в какой-либо подготовке к школе.

***

Работа в издательстве официально начиналась с одиннадцати часов. Молодая красивая женщина никогда не опаздывала. А Алексей Александрович сидел у своего компьютера уже с восьми часов. Было бы неправильным сказать, что он работал. Скорее он увлекся чтением книг, которые давал ему для правки, для набора, для редактирования пожилой мужчина – заведующий отделом. Он читал, перечитывал, делал выписки, размышлял. Философия космического мышления увлекла его.

Молодая красивая женщина приходила на работу с мальчиком. Мальчик не мешал никому – разглядывал книги, смотрел в окно. Иногда, если компьютер освобождался, любил им заниматься. Часто звал его к себе пожилой мужчина – заведующий отделом. Они шептались, чтобы не мешать в работе молодой красивой женщине и Алексею Александровичу. Шептались минут двадцать, тридцать, бывало, и целый час. После того как мальчик с мамой уходили в кафе, пожилой мужчина оставался за своим рабочим столом, до такой степени озабоченный, что забывал съесть свой бутерброд, который всегда приносил с собой.

Однажды он обратился к Алексею Александровичу с вопросом:

– Вы не знаете, что это за мальчик?

– Вам он нравится? – спросил со своей стороны Алексей Александрович.

– Не то слово…

– Хороший мальчик, умный, воспитанный.

– Н-е-е-т… – растянул заведующий отделом. – Он мальчик не-о-быч-ный, понимаете? Он при-ше-лец…

Это слово – «пришелец» – запомнилось Алексею Александровичу. Пришелец откуда? Может ли мальчик сам сказать, кто он?

Бывали дни, когда мама приходила на работу без мальчика.

Заведующий отделом сразу интересовался, где мальчик. Мама объясняла, что сегодня он захотел остаться дома.

– Мальчик серьёзный, найдёт, чем заняться… – говорил пожилой мужчина.

Но было ясно: он в этот день сидел расстроенный.

А на Алексея Александровича такие дни действовали как дни с магнитными бурями – он беспокоился, не зная, почему и зачем.

Был понедельник.

Молодая красивая женщина пришла на работу без мальчика. «Видимо, он опять захотел остаться дома», – подумал Алексей Александрович. Уже третий понедельник она приходит без него. «Почему именно по понедельникам мальчик остаётся дома?» – спросил он самого себя и тут же парировал: «Какая разница, понедельник, вторник, мальчик захотел остаться дома и остался, вот и всё. Впрочем, вечером у нас с ним занятие, тогда и узнаю, чем он сегодня был занят».

Он продолжил править текст и вникать в него. Книга была о сердце; она увлекла его. Он уже усвоил понятия «серебряная нить», «рука ведущая», «мир невидимый». Он уже знал, что если человек чист сердцем и душой, если его серебряная нить не заморена, то он сможет установить связь с космическим разумом. «Мир Невидимый, в сущности, очень зрим, когда глаз не засорён», – вычитал он в компьютере. «Наверное, мальчик видит Мир Невидимый», – подумал Алексей Александрович.

И мысли его переключились на мальчика.

«Что мальчик делает сейчас?» – почему-то с тревогой подумал он.

И продолжил читать, размышлять, но беспокойство не покидало его; он всё время ёрзал в кресле.

Молодая красивая женщина поставила ему на столик чашку кофе и сказала, что сама уходит на перерыв. Но он ничего не услышал и не заметил её ухода.

Его сознание перешло в иное состояние.

Оно начало двигаться к тёмным и заброшенным уголкам сердца.

Ищет то, что в тетради из двухсот страниц обозначено сплошной кляксой и каракулями.

Проходит оно как иголочка с белой ниткой и колет сердце то тут, то там.

Больно! Больно!

Глаза схватывают на экране компьютера мысль: «Но чем можно нагнетать энергию, как не крайним положением?»

И сознание начинает напрягаться – иголочка с нитью упорно и настойчиво проходит через тёмные участки сердца.

Колет… опять колет…

«Стоит лишь считать такое положение не концом, но началом…» – мерцает на экране.

Сознание напрягается ещё сильнее, решительнее…

«Как объяснить, когда сердце молчит? Как ускорить, когда сердце тяжелее железа? Как двигать сердце, когда умерло в духе?» – считывают его губы с экрана.

Опять сильная боль в сердце.

Сознание останавливается перед пещерой, где тьма.

Бросает внутрь камень и будит подсознание.

И оно зажигает факел.

Из пещерной тьмы вырывается коричневое облако и по велению света начинает неохотно разворачиваться.

Вот оно – прошлое в кляксах и каракулях, которое сейчас, спустя двадцать лет, становится настоящим.

Маленький Лёшенька пристаёт к маме, которая занята стиркой: «Мам, пусти поиграть во дворе, пусти…»

«Может быть, не надо, Лёшенька? Хватит тебе играть», – говорит мама; она боится отпустить его одного.

«Ну мам, пожалуйста, я ненадолго», – умоляет Лёшенька.

«Ну хорошо, – говорит мама, – только ненадолго… Не ходи далеко, играй в песочнице».

Он открывает дверь и бежит по лестнице.

Пробежал третий этаж.

Он на площадке второго этажа…

Сегодня понедельник, и мальчик остался дома. Может быть, он тоже стоит сейчас на площадке второго этажа?

Неосознанная сила заставляет Алексея Александровича бросить компьютер, которого он уже и не видит, и выбежать из комнаты. В дверях сталкивается с заведующим отделом, но это остаётся вне поля его восприятия. В коридоре обходит молодую красивую женщину, которая кричит ему вслед: «Алексей Александрович, что с вами?» Но он ничего не слышит и не видит. Выбегает на улицу и вскакивает в автобус, но не замечает, что находится в автобусе.

Его сознание видит, слышит и переживает другое.

Он пробежал третий этаж и сейчас пробежит второй.

Но в это время открывается дверь квартиры и выглядывает девочка, на три-четыре года старше его, шестилетнего.

Он останавливается.

Девочка смотрит на него и грустно улыбается.

«Мальчик, поиграй со мной».

Он не знает, как быть, а девочку видит впервые.

«Не бойся… Я одна дома, мне скучно… Поиграй со мной».

Девочка выходит на площадку, берёт его за руку и уводит с собой.

Двери закрываются.

Они в комнате.

«Во что будем играть?»

«Я сперва угощу тебя».

На столе стоит бутылка с лимонадом. Она открыта.

Девочка наполняет стакан.

«Выпей».

Он неохотно берёт стакан. Лимонад сладкий, ароматный. Выпивает до конца.

«Во что будем играть?»

«Ты садись, – девочка усаживает его в кресле, – и смотри на меня».

Она включает музыку и начинает совершать танцевальные движения.

Потом снимает туфельки и продолжает танцевать босиком.

Потом снимает кофточку и танцует…

Потом снимает юбочку…

Глаза его затуманиваются, тело жужжит, ему хорошо.

Теперь девочка танцует совсем голая.

Откуда-то слышен хриплый мужской голос: «Подойди ближе… ещё ближе… молодчина…»

Потом он приходит в себя.

Нарядно одетая девочка улыбается ему, угощает шоколадкой.
«Я тебя ещё позову, хочешь?»
Он не знает, хочет или нет поиграть ещё с девочкой.
Но знает другое: об этом говорить маме нельзя.
Ночью его лихорадит. Мама плачет. Утром здоров.
Опять понедельник.
«Мам, пойду, поиграю во дворе».
«Будь осторожен».
А на втором этаже двери уже открыты, и на площадке ждёт девочка.
Он останавливается – пробежать мимо неё или вернуться обратно домой?
Но девочка ловко берёт его за руку и заводит в комнату.
Там мужчина.
«Вы играйте, не стесняйтесь меня».
Девочка угощает лимонадом.
Ему хорошо…
А ночью опять лихорадит. Мама опять плачет: что за болезнь у сына?
И так по понедельникам.
Ему уже хочется пить лимонад и сидеть в кресле.
«Мам, пойду поиграть».
«Я с тобой, – говорит мама, – прогуляемся вместе».
На площадке второго этажа стоят три милиционера.
Двери квартиры открыты.
И оттуда выходят милиционеры: двое ведут мужчину в наручниках.
Третий ведёт за руку девочку, она плачет.
«Что случилось?» – робко спрашивает мама у одного милиционера.
Тот отвечает: «Он извращенец и наркоман. Вы не замечали чего-нибудь подозрительного?»
«Нет», – говорит мама дрожащим голосом, крепко берёт за руку мальчика и ведёт обратно на четвёртый этаж.

Автобус резко останавливается, и он приходит в себя: маленький Лёшенька возвращается в Алексея Александровича.

«Это же моя остановка! Зачем я возвращаюсь домой?! Ах да, нужно спасти мальчика… Надо успеть!»

Алексей Александрович спрыгивает с автобуса и бежит через улицу к четырёхэтажному дому.

Врывается в подъезд и мигом оказывается перед подозрительными дверями на втором этаже.

– Лёша… Лёшенька! – кричит он и кулаками барабанит в дверь.

Бьёт ногами.

– Откройте… Лёша… Лёшенька, я здесь…

Делает несколько шагов назад, насколько позволяет узкая площадка, и всем телом наваливается на дверь.

– Откройте…

Двери не выдерживают и ломаются.

Его встречает насмерть перепуганный мужчина.

– Что вам надо?!

Он отталкивает его.

Вбегает в комнату.

Испуганная девочка прячется под столом.
Мальчик стоит; у него стакан с лимонадом.
– Не смей пить! – кричит Алексей Александрович.
Стакан вдребезги разбивается.
Он хватает мальчика.
Взбегает вместе с ним на четвёртый этаж.
Запирает двери своей квартиры.
Ключ прячет в карман и… отключается.
Потом он приходит в себя.
У изголовья сидит мальчик, гладит его по голове, улыбается и шепчет:
– Спасибо тебе…

***

Воскресным утром Алексей Александрович встал раньше обычного. В десять часов придёт мальчик, а до этого ему нужно подготовиться к встрече с ним.

Алексей Александрович оказался в очень затруднительном положении. Не помогли ему ни чтение методических книг, ни консультации учёных – мальчик просто знает и умеет то, что считается подготовкой к школе. Он знает гораздо больше. Он свободно читает весьма серьёзные книги, размышляет и философствует о прочитанном. Сочиняет стихи, сказки, рассказы. А по математике проявляет изумительные способности: возводит в степень многозначные числа и извлекает из них корни, любит решать уравнения, выводит формулы.

– Откуда ты всё это знаешь?! – спрашивал поражённый Алексей Александрович.

А он отвечал просто и искренне:

– Не знаю.

Алексею Александровичу нужно готовиться для встречи с мальчиком не в том смысле, чтобы учить его чему-либо. А в том, как самому учиться у него.

Навязчивая идея о том, что он сам есть этот мальчик, не покидает его. Напротив, он всё больше и больше убеждается, что жизнь его связана с мальчиком. После того как он похитил его из детского сада и забрал из квартиры со второго этажа, ему как-то легче стало. Правда, его философские мытарства и мучения в поиске Пути не прекратились, но чувство ненужности отступает. Книги о космическом сознании, которые он корректировал и обсуждал с молодой красивой женщиной при участии мальчика, благотворно повлияли на него. Во всяком случае, он уже знает определённо: хотя свой Путь он не нашёл, но поиск Пути уже есть Путь. И это приносит ему успокоение.

Но перед ним возникает другая загадка. Время от времени он вдруг переходит в состояние «изменённого сознания» (это понятие он вычитал из разных психологических книг). Тогда в нём оживают такие события отдалённого детства, о которых он ничего не помнил или от которых остались в нём только смутные и тревожные ощущения. Когда он заполнял тетрадь из двухсот страниц, иногда у него начинала дрожать рука и память отказывалась служить ему. Потому на чистых страницах оставались сумбур слов, каракули и кляксы.

Но главное не в том, что ему вспоминаются ужасные события. Это не просто воспоминания, которые можно созерцать спокойно или без особой тревоги. Нет! В это время происходит то, что и является для него загадкой. Он заново переживает прошлый ужас как маленький, но уже с сознанием взрослого, и в то же самое время какая-то сила принуждает его спешить, чтобы спасти мальчика от тех же самых ужасов.

Что это такое?

Это уже нельзя объяснить случайным совпадением обстоятельств.

Тогда как объяснить?

Мысль о том, что он есть этот мальчик, вроде бы даёт ответы на некоторые вопросы, но не на главные.

Допустим, если он есть этот мальчик, в чём смысл такого явления? И почему он так привязан к мальчику? Не получается ли так, что скорее этот маленький мальчик является его наставником и путеводителем, нежели он – взрослый – является его воспитателем?

Рука ведущая!

Алексей Александрович берёт мальчика за руку и переводит на другую сторону улицы. А мальчик берёт его за руку и вытаскивает из тьмы прошлого, выравнивает его тропинку жизни.

Так ли это?

В общем, это странное обстоятельство требует ясности.

К кому он может обратиться за помощью?

Заговорить об этих вещах с мамой мальчика, молодой красивой женщиной, он не осмеливается, ибо слишком запутано всё, и, кроме того, всё это за гранью невероятного. Единственный, кто может хотя бы выслушать его, есть сам мальчик. И Алексей Александрович решил поговорить с ним.

К этому разговору ему и нужно готовиться: какие вопросы задавать, в какой последовательности? Может быть, стоит перечитать свои записи?

Размышляя таким образом, он привёл в порядок свою холостяцкую комнату, побрился, выпил кофе, сел за рабочий столик, посмотрел на часы – было восемь, открыл ящик и собрался было достать тетрадь, как в дверь зазвонили.

Неожиданность и грубые звуки звонка заставили его вскочить. Левая рука сбросила со стола настольную лампу – она разбилась. А правая вывалила на пол груду методических книг.

Звонок зазвенел ещё, а за дверью послышался голос мальчика:

– Это я, открой!

Он стоял в дверях с красочным конвертом в руках и улыбался.

– Доброе утро! – сказал мальчик весело. – Я напугал тебя? Ты такой бледный!

– Я же не ждал тебя в это время, – попытался оправдаться Алексей Александрович.

– Вот тебе мой совет, – произнёс мальчик, – привыкни к тому, что всегда всё случается. Неожиданность – это зверь, который может напасть на тебя и растерзать. Отгоняй этого зверя от себя.

– Хорошо сказано. Где ты это вычитал?

Алексей Александрович был рад приходу мальчика.

– Обязательно надо вычитать такие мудрости у других? Ты же отредактировал книгу о сердце!

– В ней ничего такого я не помню.

– Опять! – возмутился мальчик. – Научись впитывать чужие мысли в себя, чтобы одна мудрость порождала в тебе другие мудрости. Так сам станешь мудрецом.

Алексей Александрович стоял перед мальчиком как ученик перед учителем. «Он с другой планеты, он пришелец», – подумал он.

– Ну входи, раз пришёл так рано. Что-то изменилось в нашем расписании?

– Да, – сказал мальчик, – мы должны поработать с тобой до одиннадцати часов. Потом мы с мамой пойдём по магазинам. А в три часа мы приглашаем тебя, – и он протянул ему красочный конверт.

Они уселись на диван.

Алексей Александрович достал из конверта приглашение, оно было обрисовано рукой мальчика. Там он писал, что приглашает своего друга на свой день рождения: «Мне уже шесть лет».

– Ты родился двадцатого августа?!

– Значит, ты тоже. Только ты не удивляйся, всегда всё случается.

Зазвенел телефон, который обычно звонил раз в месяц, когда ему сообщали, что пора платить за телефон, за газ, за квартиру.

Он опять вскочил от неожиданности, и приглашение выпало из рук.

Мальчик засмеялся.

– Видишь, что творит с тобой неожиданность? Бери трубку и не удивляйся ничему.

Алексей Александрович тоже развеселился: действительно, смешно пугаться неожиданностей.

– Слушаю вас?

В трубке зазвучал голос поэта – директора школы.

– Алексей Александрович, я ещё не наложил резолюцию на ваше заявление об уходе.

– А вы наложите.

– Вы нашли хорошую работу?

– Работа мне нравится.

– А работа в школе не нравится?

– Она никогда не нравилась мне.

– А я увидел в вас талант педагога.

– Нет у меня никакого педагогического таланта.

– Вы недооцениваете себя… А мои стихи вам нравились?

– Вы прекрасный поэт.

– Мой сборник уже готов. Вы обещали быть редактором. Можно переслать вам рукопись?

– Завтра зайду к вам и заберу.

– Буду ждать вас… Может быть, всё-таки передумаете и останетесь в школе? Кстати, с понедельника, то есть завтра, учителя возвращаются из отпуска.

– Нет-нет, об этом не может быть и речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.